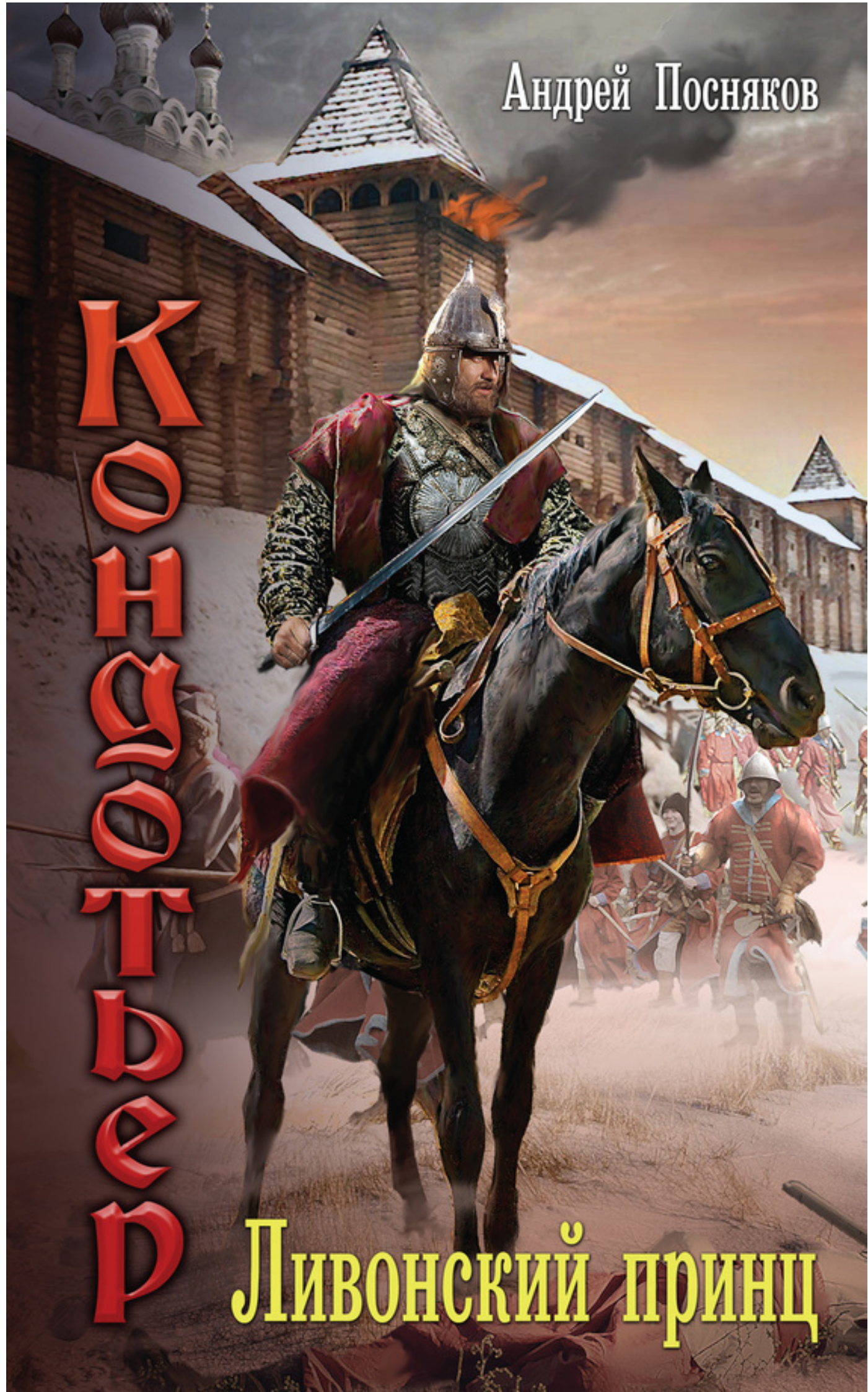

Андрей Посняков

КОНГОТБЕР

Ливонский принц

Кондотьер

Андрей Посняков
Ливонский принц

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Ливонский принц / А. А. Посняков — «АСТ»,
2016 — (Кондотьер)

Вторая половина шестнадцатого века. Ливонская война. Войска союзника Ивана Грозного, принца Ливонии Магнуса, осадили Ревель. Свистят ядра и пули, тащит штурмовые лестницы лихая пехота... и никто не догадывается, что сам принц – не настоящий! А наш современник, оказавшийся в прошлом по собственной воле, Леонид Арцыбашев. В Москве Леонид обнаружил в одной из антикварных лавок старинный манускрипт эпохи Ивана Грозного. Проследив за хозяином манускрипта, Леонид оказался в подземельях Москвы... откуда выбрался в подвал Тайницкой башни Кремля в шестнадцатом веке, как раз во время правления царя Ивана Васильевича. Грозный царь воюет в Прибалтике, ведет Ливонскую войну, и странно одетого Арцыбашева принимают за «датского немца» – союзника Ивана, ливонского принца Магнуса. Связывающий эпохи ход между тем закрылся, но сдаваться просто так наш герой не собирается: нужно как-то выжить и выбраться обратно. А нынче царь Иван устраивает пир в честь дорогого гостя, объявляет о его помолвке со своей племянницей Ефимией Старицкой, дает двадцать пять тысяч талеров, войско... и отправляет брать Ревель!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Посняков А. А., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Анатольевич Посняков

Ливонский принц

© Андрей Посняков, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Наши дни. Москва Тит Ливий

Осторожно выглянув из-за угла, Леонид увидел сутулого уже в конце улицы, вернее маленького узкого переулка, напрочь лишенного солнца даже сейчас, светлым майским вечером. Яркие лучики золотили лишь крыши, иногда вспыхивая в окнах последних этажей невысоких, четырех-, пятиэтажных домов, судя по архитектуре выстроенных в самом начале двадцатого века.

Лёня вел сутулого – именно так он именовал незнакомца – еще с Якиманки, с антикварной лавки. Там его и поджидал, и вот теперь решил выследить. Сначала хотел просто поговорить – там же, в магазине, – да из беседы ничего не вышло. Незнакомец просто не захотел разговаривать, более того – быстро ушел, даже не заглянул к стеллажам, как всегда делал. Ушел... Но вернулся, как и уверял хозяин лавки Тимоха, давний Лёнин друг. И вот тут-то Леонид – Леонид Федорович Арцыбашев – не стал теряться.

Не мытьем, так катаньем! Все равно узнать! Выяснить, откуда у сутулого такие раритеты? И ладно бы просто деньги – «новгородки» Елены Глинской! Хорошие такие монетки, серебряные, и самое главное, ничуть не затертые. На аверсе – всадник с копьем. Денежки эти еще называли «копейками». В отличие от «московских» – «саблениц», где на аверсе всадник с саблей. «Новгородка» к «московской» – номиналом два к одному. Сто «новгородок» – московский счетный рубль. Шестнадцатый век, однако!

Однако не в «новгородках» было дело – в листах пергаментных. Латынь. Тит Ливий. Совершенно неизвестный исторической науке список! Еще бы, из ста сорока томов крупнейшего римского историка сохранилось лишь тридцать пять. Остальные же...

Остальные вполне могли быть в утерянной библиотеке Ивана Грозного, знаменитой либерее, в которую Лёня, честно говоря, не очень-то и верил, но вот факты, точнее говоря – факт! Неизвестный Тит Ливий – ну откуда еще? Говорят, библиотеку ту бабка Ивана Грозного, супруга Ивана Третьего, бесприданница Софья Палеолог, никому после падения Константинополя особо не нужная, с собой привезла. Верится, конечно, с трудом – на что до свадьбы жила-то? Ведь скиталась, бедствовала. Если и имелись у нее ценные – даже в то время – книги, так уж продала бы. Тем более оказывающий ей покровительство папа римский Сикст Четвертый считался большим книголюбом.

Кто только эту библиотеку ни искал... Известный авантюрист Стеллецкий даже деньги под это дело выбил, и не у кого-нибудь, а у самого Иосифа Виссарионовича Сталина! Не нашел ни хрена. Так что не сохранилось никаких раритетов. Однако – Тит Ливий. Ну, точно он...

Ага! Вот сутулый зашел в какой-то бутик. Что-то долго не выходит. Покупает что-нибудь? Или там есть другой выход? Скажем, на ту же Якиманку. Если так, то...

Вышел! Высокая, слегка сгорбленная фигура в потертых джинсах и старой кожаной – несмотря на пусть прохладный, но все же май – куртке. И что он так горбится-то? Парень-то еще молодой, лет тридцати – Лёнькин ровесник. А прикинут как подросток: нечесанные патлы, высокие армейские ботинки-берцы, длинная, нелепо торчащая из-под куртки майка с изображением финской блоковой группы «Чилдрен оф Бодом». Леонид эту группу знал, но музыку такую особо не слушал, предпочитал чего помягче да постарее – «Мотли Крю», «Скорпионе», «Кисе»...

Потертая куртка замаячила где-то в конце проулка, и преследователь прибавил шаг. Слава богу, кругом было довольно многолюдно – не ночь и не раннее утречко, так что Лёня

ничуть не боялся, что незнакомец вдруг его узнает. А даже и узнает – и что? Ну, идет себе человек куда-то по своим делам, что такого? А что пересеклись вдруг – случайность.

Немного пойдя прямо по улице, сутулый свернул во двор. Арцыбашев насторожился – вот здесь уже вполне можно заметить слежку. Что же делать-то? А делать нечего! Вперед. Раз уж начал.

Уютный московский дворик ничуть не походил на привычный Леониду питерский каменный мешок-колодец: зеленые деревца, кусты цветущей сирени, аккуратно припаркованные авто, клумбы. В песочнице, меж деревьями, играли малыши. На лавочках рядом судачили бабушки. Еще девчонки со скакалками. Мальчишки на велосипедах. А кожаная куртка – где? А нету!

Леонид откровенно заволновался. Скорее всего, незнакомец просто зашел в какой-то подъезд. Живет здесь. Впрочем, не мог так быстро. Пока ключ-«таблетку» к дверям приложит, пока...

Ага, вот он! Кожаная куртка мелькнула в самом конце двора, за деревьями. Мелькнула – и пропала. Но не в дом вошел – точно.

Наплевав на все правила слежки, молодой человек сорвался с места и побежал, словно бы куда-то опаздывал, едва не сбив пролетевшего мимо велосипедиста. Вернее, это велосипедист его чуть не сбил. Вот ведь, блин, раскатались!

Двор оказался проходным, да Леонид в принципе и ожидал чего-то подобного. Тут же перешел с бега на шаг да, зачем-то оглянувшись, резко свернул под арку. Свернул – и затаился. Отсюда, из темноты, было хорошо видно, как сутулый склонился за мусорными бачками. Потерял что-то? Или, наоборот, нашел?

Позади вдруг послышались голоса, и молодой человек непроизвольно оглянулся. Мальчишки. Аккуратненькие, в чистых маечках, в шортиках. Шли себе, разговаривали.

– Здравствуйте!

Поздоровались, ишь ты. Вежливые.

Лёня в ответ поздоровался, посторонился, пропуская ребят. А, когда глянул на мусорные бачки, сутулого уже не было! Исчез. Растворился.

А ведь исчезать-то некуда! Кругом одни глухие стены. Тупик! Что же он, в мусорный бак забрался?

Леонид подошел к бачкам ближе, заглянул... и едва не провалился в разверстый зев канализационного люка. Чугунная крышка была отодвинута примерно на треть. Такое впечатление, что ее изнутри задвигали, что ли. Но до конца не задвинули. Что-то помешало...

Господи! Да ведь голоса, мальчишки эти аккуратные – и помешали! Именно сюда, в этот вот люк, и нырнул незнакомец. Именно там – больше просто негде – и скрылся. И крышку задвинуть до конца не успел.

Та-ак... Арцыбашев задумчиво огляделся по сторонам. О тайнах московских подземелий он, конечно, слышал. И даже более того, как человек, всерьез увлеченный стариной и собиранием антиквариата, даже собирался их обследовать, правда, пока все некогда было, все не до того. Всего-то третий месяц в Москве. Да уж, некогда... Но вот сейчас... А почему бы и нет-то? Коли уж начал следить.

Индивидуалист до мозга костей, Леонид Федорович Арцыбашев обладал той самой авантюрной жилкой, без которой истинных коллекционеров просто не бывает. И эта жилка вела его в подземелье. Немедленно! Прямо сейчас!

Одет молодой человек был вполне подходяще – джинсы-кеды. Да и двор опустел. Потому и не раздумывал больше, отодвинул крышку, да и ухнул во тьму, нащупав ногами узкую лестницу. Спустился, не обращая внимания на вонь, огляделся... и вдруг увидел тусклый свет фонарика. Не очень-то и далеко, метрах в двадцати.

Канализационный коллектор оказался довольно просторным, можно было идти не сгибаясь. Мало того, и поднятой рукой не достать потолка! Вернее, не потолка – свода. Земляные – а местами и каменные – стены, трубы, под ногами – шуршание и писк. Крысы...

Леонид быстро оглянулся – сверху, из люка, лился приметный свет. Так что, ежели что...

Луч фонарика неожиданно дернулся и пропал. Закусив губу, Арцыбашев вытащил из кармана смартфон – подсветить можно было и им, экран яркий, тем более заряжал только вчера.

Никакой подсветки однако же не потребовалось. Луч появился вновь. И отчетливо слышались шаги. Гулкие и какие-то неторопливые, что ли... осторожные. Хотя, нет – незнакомец шагал довольно уверенно. Словно знакомой дорожкой шел. Так ведь и шел...

Под ногами зачавкало, откуда-то слева вдруг пахнуло гнилью, и слышался чей-то рык! Глуховатый, но жуткий, утробный. Собака? Или... или какое-то подземное чудище? Молодой человек замедлил шаг и попятился. Рык вскоре прекратился. Однако и фонарик впереди опять исчез. Исчез и больше не появился.

Терпеливо выждав минут пять, а то и все десять, Арцыбашев пожал плечами, повернулся и направился к люку. Ну, что поделать, раз уж так... Тем более в следующий раз можно и без сутулого. Только экипироваться, как следует: фонарик прихватить, сапоги. А еще – карту. Самое главное – карту. В той же антикварной лавке и купить... нет, лучше просто снять копию, Тимоха не откажет. А сутулый... сутулый никуда не денется – рано или поздно в лавку что-нибудь да принесет. Яшмовую чернильницу, прясло... да те же монеты, в конце-то концов.

* * *

Леонид снимал однокомнатную квартирку недалеко от метро «Молодежная». Удобно! Заводить в Москве авто Арцыбашев пока не собирался – смущали бесконечные пробки и нервозная обстановка на дорогах. То ли дело у себя в провинции! Да и там-то, честно говоря, в последнее время...

Заглянув по пути в японский ресторан за пиццей, Леонид перешел дорогу и, прикупив в «Пятерочке» пивка, подался к родному подъезду. Дома принял душ и, сунув в микроволновку пиццу, откупорил бутылочку пива да уселся в кресле перед телевизором, который смотрел крайне редко, предпочитая интернет и музыкальное радио. Вот и сейчас врубил...

– А теперь, по многочисленным просьбам, слушаем японских рокеров под странным для Японии названием – «Версаль»...

Японские рокеры молотили неплохо, Лёне понравилось, он даже насвистывать что-то подобное стал, слух-то имелся. Насвистывал, потягивал лениво пивко и думал. Сильно захотелось закурить, но молодой человек позыв сей героически выдержал, потому как три месяца назад – с переезда в Москву – решил завязать с куревом. Уже пятый раз за последние два года завязывал... но вот пока держался.

Выйдя на балкон, Арцыбашев поставил пустую бутылку в корзинку и, опершись на ограждение, окинул задумчивым взглядом округу. Ах, Москва, Москва, все ж видно – столица! Впрочем, здесь, у «Молодежной», не особо и видно. Так, обычные кругом домишки. Зато не сказать что шумно, да и зелень во дворах имеется. Почти как в родном Лихвинске, где Леонид Федорович имел счастье – или несчастье, это уж как посмотреть – трудиться в должности педагога дополнительного образования в некоем учреждении, громко именовавшем себя Центром детского творчества. А если коротко и понятно – бывший Дворец пионеров. И Лёня – режиссер детской театральной студии. Он же и сценарист. А куда еще после окончания Института культуры бедному провинциалу податься? С торговлишкой откровенно не заладилось – напроць не было у Леонида никакой коммерческой жилки, а вот режиссерская была, и дети его на всех фестивалях-конкурсах первые места запросто хватали. Что, конечно, руководи-

теля студии радовало, но, увы, особых денег не приносило. Приходилось еще подрабатывать в соседней школе, вести курс «мировой художественной культуры», ну и «бомбить» иногда. На скромную жизнь хватало, даже получалось кое-что отложить – смотаться раз в год в Ригу или Прагу, попить пивка, ну и рядом – в Иматру, Лаппеенранту – за продуктами, шмотками и «откатать» визу. Вот как-то так...

Что же касается личной жизни, то в свои двадцать девять лет Леонид Федорович еще так и не женился, все искал свою единственную, а точнее, и вовсе не искал, а путался с разными девицами, иногда и с двумя-тремя сразу. Для секса хватало с избытком, а к семейной жизни Лёня себя считал еще не готовым. К большому огорчению пенсионеров-родителей, обитавших в деревне километрах в полустах от Лихвинска. Имелся еще старший брат, человек солидный, семейный, многодетный. Отношения с ним были прекрасные, но все же – чужая семья.

А вообще, все это доставало. И неопределенная личная жизнь, и относительное безденежье, а самое главное – неудовлетворенность собой. Ну, что там детская студия? Он, Леонид Арцыбашев, и фильмы мог бы снять или какой-нибудь крутой сериал – запросто! Сам и режиссер, и автор сценария... Спонсора бы только найти, спонсора.

И когда как-то невзначай пересекся вдруг с бывшим одноклассником, а ныне преуспевающим москвичем, владельцем антикварной лавки – Тимофеем Ивановым, а попросту Тимохой, то и думать не стал. Тимоха всерьез позвал в столицу, обещал на первых порах помочь, свести, с кем надо – а знакомства у него имелись обширнейшие.

Вот и поехал Лёня. Взалкал столичной светской жизни, денег больших взалкал, а пуще того – Дела. Кино хотелось снимать, чего уж. Тем более пока, попервости, устроился в ту же лавку – антикварный салон «Персида» – менеджером-продавцом. Хитрый Тимоха знал, кого приглашать – к старинным вещам Лёня страсть испытывал с детства. Ну, с ранней юности, с бабки, у которой много чего было... И все это Леонид сохранил, мало того – преумножил, и кое в чем разбирался – «новгородскую» деньги с «московской», как некоторые, не путал.

В лавке – в салоне – конечно, было неплохо. Но ведь не за этим Арцыбашев в Москву подался. Или... И все же билась в висках авантюрная жилка, тем более семьи-то нет, осторожничать не надо, отвечать пока не за кого.

Того странного парня, сутулого, старший продавец Леонид Федорович выделил из толпы покупателей сразу. Как-то уж слишком уверенно тот держался. И цену принесенным на комиссию вещам да монетам знал, однако на слишком большой отнюдь не настаивал. Хотя в иных местах мог бы и куда больше выручить. Через тот же Интернет. Мог бы, да. И что? Просто не хотел заморачиваться? Такое впечатление, что и монет, и прочих вещичек эпохи Ивана Грозного у сутулого имелось с избытком. Слово бы отыскал он клад, из которого по мере надобности и черпал.

Арцыбашев, видя такое дело, взалкал. Тоже клад захотелось. И жилка синяя на виске билась – проследи, посмотри, вдруг да что? Вдруг да тоже удастся...

* * *

– Диггеры? – усевшийся в кожаное солидное кресло Тимофей Иваныч – Тимоха – вытянул ноги и засмеялся. – Буратино, ты сам себе враг! Ты сам себе враг, Буратино.

Невероятно активный, толстый, этакий Гаргантюа, Тимоха ни минуты не мог просидеть спокойно, постоянно вертелся, что-то насвистывал, теребил руками, закладывал ногу за ногу. И говорил. Много, почти не остановимо, словно сорвавшийся с гор сель. Говорил, обильно перемежая речь пословицами либо вставками из старых советских фильмов.

– Они с тобой и разговаривать не будут, Лёня! Просто кинут. Вытянут за «подземные экскурсии» деньги – и тью-тью. Проведут по коллектору, а платить будешь за «подземелья московского Кремля». Разведут, как лоха!

– Но я-то не лох.

– А, горбатого могила исправит, – привстав, Тимоха плеснул себе виски из стоявшей на столе зеленоватой бутылки «Гленморанж». – Будешь?

– Ты же знаешь, я крепкое как-то не очень...

Хозяин лавки расхохотался, колыхаясь всем телом:

– Помню, помню: «Хорошо бы пива... Нет, только вино!» Кстати, какую карту ты у меня сегодня ксерил? Не кремлевские подземелья, часом?

* * *

Сутулый в лавку больше не заглядывал. С тех самых пор. Может быть, обнаружил слежку? Или имелись у него и какие-то другие дела, а полученных от продажи монет денег пока хватало. Может, и так.

Однако Леониду быстро опротивело сидеть без дела. Авантюрная натура брала свое. И вот дня через три, в субботу, раненько поутру отправился-таки молодой человек в подземелье. Один. На свой страх и риск. Прихватив с собой мощный фонарик, компас, моток веревки да газовый баллончик – от крыс да собак. Мало ли?

Ну, в одиночку – и что? Вдруг да повезет? Ну, не Тит Ливий, конечно, а те же «московки», «новгородки» и прочее. Может, и спонсоров на фильм искать не надо будет. Сам себе и режиссер, и спонсор!

Спустившись под землю через тот же – уже проверенный – люк в пустом дворе за мусоркой, молодой человек первым делом проверил мобильную связь. Сразу под люком прием был отличный, шагах в пяти – удовлетворительный, а уж дальше связь вообще пропадала. Глухо, как в танке.

Включив фонарь, новоявленный диггер сверился по компасу с картой и вполне уверенно зашагал по длинному сводчатому коридору. Воняло. Откуда-то сверху срывались тяжелые маслянистые капли. Чавкала под ногами какая-то подозрительная жижа. Бетонные перекрытия местами сменялись кирпичными, а кое-где и вообще никаких перекрытий не было – одни земляные своды.

Однако на этот раз никто в темноте не рычал, не выл и под ногами не шмыгал. Лишь пара красных глаз сверкнула откуда-то из бокового пролаза, да тут же и скрылась. Пройдя шагов триста, Леонид остановился и тщательно сверился с картой. Где-то здесь нужно было повернуть налево, в боковой туннель... Ага, он!

Сунув карту в карман, Арцыбашев уверенно зашагал во тьму. Луч фонаря кусками вырывал какие-то трубы, бетон и даже кирпичную кладку, судя по всему – древнюю. Примерно через час путник снова остановился и удовлетворенно хмыкнул. Судя по карте, он находился как раз под Тайницкими воротами Кремля. А это, кстати, указывалось на карте как возможное место сокрытия либерей! В которую Леонид Федорович, честно говоря, не очень верил, но... Но – Тит Ливий же откуда-то взялся! И ведь не подделка – в таких вещах антиквар Тимоха разбирался неплохо и целый штат экспертов мог подключить вполне. Что и сделал.

Подземный ход постепенно расширился и уже представлял собою небольшую пещеру с высокими земляными сводами и ответвлениями, уходящими куда-то во мрак. Земля под ногами диггера имела такой вид, будто ее вскапывали под огород. Так ведь и вскапывали! Копали. Искали. И даже, может быть, что-то нашли. По крайней мере Арцыбашеву очень хотелось в это верить. Раз хоть кто-то – тот же сутулый! – хоть что-то нашел, так он-то чем хуже? Может быть, повезет?

Спрятав карту, Леонид задумчиво присел на песчаную осыпь и вдруг расхохотался, стукнув себя ладонью по лбу. Вот ведь дурень! Кладоискатель, блин. Компас прихватил, карту... А лопату? Кирку? Голыми руками тут ничего не возьмешь, думать нечего. Мудреное слово

«диггер» так вот – «копатель» – и переводится. С английского, кажется. Английским, кстати, молодой человек не владел, зато хорошо знал немецкий, тот его диалект, на котором изъяснялись в Пруссии. Еще в школе увлекся языком, а в институте даже был на практике в Берлине. Правда, сейчас много чего подзабыл, потому что – без надобности.

Чу!!! Стены пещеры вдруг резко задрожали, словно бы собирались вот-вот рухнуть, похоронив под собой незадачливого кладоискателя без кирки и лопаты. Ощувив спиной нарастающую вибрацию, Леонид бросился в ближайший туннель. Из которого тут же донесся грозный вой и рычание!

О, боже!

Упав наземь, молодой человек выхватил из кармана баллончик с газом, приготовившись отразить нападение неведомого чудовища. Ну кто тут мог быть? Собака... точнее – собаки. Целая стая, ага.

Никто не напал. Не выскочил из темноты, лая и злобно сверкая глазами, не рванулся к жертве, плотоядно раскрыв усеянную желтыми клыками пасть. Вой смолк так же неожиданно, как и начался. Прекратилась и вибрация.

Господи... да это же...

Электричка!!! Ну да – метро же должно быть где-то рядом. Облегченно вдохнув, ново-явленный диггер поднялся на ноги и нервно рассмеялся. Однако весело. Однако нужно купить лопату, вот что. Небольшую такую. Саперную.

* * *

Ничтоже сумняшеся задумал Леонид Федорович снять фильм – а лучше сериал – совсем обычный. Не розовые бабьи сопли, не про бандосов-ментов, не модную среду молодежной среды ржачную тупую камедь, а нечто куда более изысканное и, можно даже сказать, интеллигентное. Новое историческое кино! Ни больше ни меньше. Об эпохе Ивана Грозного. А что? Опричный террор, разгром Новгорода – это вам не какая-нибудь «Игра престолов», это гораздо круче будет.

Эту свою идею Арцыбашев лелеял года два, да не просто лелеял, а активно писал сценарий будущей «фильмы», подробно – с раскадровкой, «звуком» и «светом». И мало того что писал – даже отослал сразу в несколько известных (естественно, коммерческих, больше ведь никаких и нет) студий, одна из которых даже разродилась ответным письмом, в коем отнюдь не подвергли арцыбашевский опус голой критике, а наоборот, похвалили. А в конце письма задали хитрый вопрос – для кого, собственно говоря, кино? Молодежная аудитория отсеивается сразу – они ни истории, ни географии не знают и знать не хотят, а что незнаемо, то и неинтересно. Для мужиков мордобоя маловато. Да и опять же – история. Им стрелялку-бродилку какую-нибудь. Женщины... гм-гм... любовная линия слабая, в основном войны, террор да душевные терзания Ивана. Вам что, уважаемый Леонид Федорович, лавры Сергея Эйзенштейна спать не дают? Так и у того только первую серию выпустили. В общем, будьте проще, уважаемый, и народ к вам потянется. Напишите нам смешной молодежный сериал, для активной молодежи, увлекающейся гаджетами, автомобилями, тусовками... Как будто молодежь телевизор смотрит! Ну, если только какая-нибудь кондово-провинциальная, у которой на Интернет денег нет.

Так вот, ткнули лицом в грязь. Вернее – в «активную молодежь». Но Лёня надежды и веры в себя не терял, работал. И искал денежки. Спонсоров, мать ити.

Лопату молодой человек приобрел рядом с метро, в супермаркете, там же обзавелся резиновыми сапогами и непромокаемым плащиком – так, на всякий случай. Дешевый – если что, испачкать не жаль.

На рабочем же своем месте, в антикварной лавке, Арцыбашев, подняв все накладные, расписки и прочее, тщательным образом проверил всех, кто сдавал на комиссию шестнадцатого века вещи. Таких, кстати, за три года (дольше Тимоха документацию не хранил) оказалось аж пять человек, все достаточно молодые, лет по двадцать пять – сорок. То есть под образ сутулого вполне подходящие. Однако только один из них окромя серебряных денежек и разного рода старинных вещей притащил на комиссию «два листа пергаментные с надписью на латыни – “Тит Ливий”. Звали сутулого Орешников Денис Петрович, и было ему от роду тридцать пять лет. Правда, вот прописки в графе не стояло. Как пояснил Тимофей, это только по желанию клиентов указывалось. Кроме вещей шестнадцатого и пятнадцатого веков господин Орешников еще выставлял на продажу марки и значки семидесятых-восемидесятых годов. В большинстве своем – «с олимпийской символикой». Странное соседство – шестнадцатый век и семидесятые. Хотя, если подумать, ничего странного. От родителей могло остаться, от старших братьев-сестер.

В ближайший же выходной, опять-таки – в субботу, Леонид отправился все туда же – в старый двор, в коллектор. Поднялся раненько, и около шести утра уже был на месте. Недолго повертелся, выждал – не нарваться бы на дворника, – да и юркнул себе в люк, не позабыв задвинуть за собой тяжелую чугунную крышку. И как оказалось, правильно сделала, что задвинул!

Спустившись, новоявленный диггер не успел сделать и нескольких шагов, как сверху вдруг послышался лягз и темноту подземелья прорвался тусклый свет раннего московского утра.

Арцыбашев немедленно прижался к стене и затаил дыхание, глядя на спускающуюся сверху патлатую фигуру в кожаной потертой куртке и узких, заправленных в высокие берцы, штанах. Господин Орешников, Денис Петрович – собственной персоною. Ага!

Надо сказать, собственной безопасностью Орешников как-то не особенно заморачивался: не оглядывался, по сторонам башкой не крутил. Спустился да зашагал себе знакомой тропой, светя фонарем под ноги. Даже насвистывал. В общем, как и в прошлый раз, вел себя вполне уверенно, словно домой явился.

Как и в прошлый раз, несостоявшийся режиссер, таясь, потопал сзади. Главным – широким и длинным – коллектором шли где-то с полчаса, пока впереди вдруг не показался свет. Желтый, явно от фонарика... и не от одного. Еще и голоса слышались. Грубые, мужские.

Сутулый явно насторожился. Резко остановился, вжался в стенку да какое-то время так и стоял, прислушиваясь. А потом вдруг быстро бросился куда-то... Леонид даже и не сообразил – куда. Вот только что был, стоял на месте, и вдруг исчез, словно бы растворился в спертom воздухе подземелья. Только берцы чавкнули в грязи. Да так громко, что те, впереди, что-то такое услышали и сразу же насторожились, замолкли. И яркий луч фонаря неожиданно уперся режиссеру в глаза.

- Вот он! Держи его, держи!
- Лови!
- На этот раз не уйдет, сука!
- Эй, это ж не он!
- Значит, сообщник. Бей чужака, парни!

Раздавшиеся вдруг гулкие вопли как-то мало походили на вежливые приветствия, и Арцыбашев, быстро прикинув, что к чему, немедленно дал деру. Проще говоря, побежал как можно быстрее, ибо гнались именно что за ним, в этом сомнений не было. Это он был здесь чужаком, это его собирались бить... Интересно, сколько их? Судя по фонарикам, человек пять, никак не меньше. Догонят – мало не покажется! Черные диггеры – а именно их, судя по всему, и повстречал Лёня – кротким нравом, увы, не отличались. Запросто могли и убить да бросить труп под землю, случаи бывали.

Билось сердце. Чавкала под ногами грязь. Летели по сторонам брызги. Лучи фонарей хлестали по сводам переходящих одна в другую пещер, словно старинные сабли.

– Слева, слева заходи-и-и!

– Загоняй!

– Стой, гад, хуже будет! Стой!

Что-что, а попадать в лапы диггеров Арцыбашев явно не собирался. Однако на бегу, к ужасу своему, понял, что добраться до заветного люка явно не успевает. Преследователи знали подземелье куда лучше его, прекрасно ориентировались, нагоняли... Кто-то даже швырнул на бегу что-то тяжелое... лом? Нет, скорее – черенок от лопаты. Короткая палка угодила беглецу в спину. Довольно-таки чувствительно угодила, хорошо не в голову.

Леонид пригнулся и, углядев боковой ход, недолго думая юркнул туда, слыша, как погоня пронеслась мимо. Ага! Не заметили, сволочи. Однако это еще ничего не значит – вернуться и будут искать. И, скорее всего, найдут, если получше не спрятаться.

Лаз оказался узким и низеньким, бежать по нему уж никак было невозможно, приходилось пробираться, согнувшись, а пару раз даже встать на четвереньки... Черт! Позади снова послышались крики. Таясь, беглец поспешно выключил фонарик... и вдруг увидел наверху свет. Самый настоящий, дневной.

Рванувшись вперед, молодой человек почти сразу нащупал рукой скобы, вбитые в бетон. Колодец. Канализационный колодец! Выход, черт побери.

Он выбрался наружу в каком-то дворе, вовсе не в том, в каком влез в коллектор. Впрочем, место оказалось достаточно глухим, располагалось сразу за ржавыми металлическими гаражами, спрятавшись между которыми Арцыбашев некоторое время выждал, когда пройдут две молодые мамы с колясками. Не хотелось никого пугать и видом своим вызвать подозрения. Еще примут за бомжа, позовут парней, мужиков – а оно надо? Лучше уж привести себя в порядок – отряхнуться от грязи, причесаться... В принципе вид-то и ничего, сойдет.

Для похода под землю Леонид надел обычные старые джинсы и куртку, лишь сверху накинул плащ – тот самый, недорогой – увы, ныне утерянный. Видать, слетел на бегу. Остальная одежда не очень-то и испачкалась, вот только сапоги пришлось очищать. Да еще причесаться...

Вот теперь, пожалуй, можно и выйти.

– Здравствуйте, девушки! Погода сегодня хорошая, правда?

– Здравствуйте!

Молодые мамы переглянулись и разом улыбнулись беглецу. А чего б им не улыбаться-то? Чай, Леонид Федорович не какой-нибудь там «мурлон», а человек вполне светский, и женскому полу приятственный: этакий худощавый, среднего роста, шатен с голубыми глазами. Средняя – ни короткая, ни длинная – стрижка, аккуратная борода с усиками а-ля кардинал Ришелье. Чего б такому не улыбнуться-то?

– Да, и вправду хорошая. Так и в газетах писали, что лето теплое будет.

Ну, надо же – в газетах! Можно подумать, они газеты читают...

Еще раз улыбнувшись, молодой человек обогнал мамулек и спешно зашагал по двору к видневшейся недалеко арке, явно выводившей на какую-то людную улицу – может быть, на Пречистенку или Маросейку. Слева от арки, на детской площадке, ошивалась компания подростков, человек пять, все длинноволосые, в потертых джинсах, а вот один – терзающий гитару крепыш – в коричневых клешеных брюках.

– Вот... новый поворот... – хриловато орал крепыш. Остальные невпопад подпевали.

Проходившая мимо женщина средних лет, чем-то похожая на королеву Елизавету Английскую, сделала парням замечание, пригрозив детской комнатой милиции и еще каким-

то «бюро». Странно, но угроза подействовала: парни перестали петь и живенько поднялись со скамейки.

– А ты-то, Колька, уж не куришь ли? – не унималась «Елизавета». – Слышала, вчера молодежь в ларьке «Беломор» покупала...

– Фи, тетя Зин! «Беломор»! Мы такое не курим.

– А кто портвейн вчера в песочнице пил? Я вот матери-то все расскажу, ага, ты смотри, Колька...

–

Портвейн в песочнице... Сворачивая в арку, Арцыбашев идиллически хмыкнул. И удивленно остановился. Возникшая перед ним улица, довольно широкая и большая, вдруг с ходу показалась ему какой-то странной. Показалась, да... но вот в чем эта странность выражалась, успокоившийся наконец беглец никак не мог понять.

Стоял, присматривался. Ага! Ни одной девчонки в шортиках или в топике на тротуарах что-то не наблюдалось, несмотря на то что денек-то стоял солнечный, теплый. Нет, в коротких юбочках были, и много... и такие замечательные экземпляры попадались, что прямо ах, но в джинсовых шортиках – не было. И рекламы на домах – не было. Просто вывески: «Бакалея», «Булочная», какая-то «Березка». У всех трех тусовались приличные очереди.

– Клава-а-а! – несколько зазевавшегося Леонида едва не сбила с ног вынырнувшая откуда-то из подворотни женщина с красным лицом и с большими сетками в руках. В сетках виднелись треугольные пакетики с молоком, батоны и рулоны серой туалетной бумаги.

– Клава-а-а! – обращаясь непонятно к кому, истерично закричала женщина. – В обувном югославские сапоги выбросили! Говорят, все размеры есть... По две пары в руки дают! Айда, живо.

Едва не споткнувшись, Арцыбашев аккуратно обошел бесстыдно припаркованные прямо на тротуаре «Жигули»-шестерку. Поразило, что сие непрезентабельное авто цвета кофе с молоком находилось в отличнейшем состоянии – прямо блестело. И номера были – черные с белыми цифрами. Оп!!! Такие же и почти на всем транспорте, и движущемся, и стоящем. Да и транспорт-то был... как бы помягче выразиться-то? Ретро – да, именно так! Разномастные «Москвичи» самого разнообразного вида, «Жигули» – «копейки», «двойки», какие-то полосатые автобусы ЛиАЗы, мотоциклы с колясками – во множестве, словно какой-нибудь байк-фестиваль.

А ведь и в самом деле фестиваль, догадался Лёня. Фестиваль ретро-автомобилей!

– Слышь, чувак, куртку не продашь, а? – вылезший из «шестерки» бородатый парень в зеркальных противосолнечных очках, приталенной блескучей рубашке и узких джинсах аккуратно, почти ласково взял Леонида под локоть. – Не обижу, чувак, не думай. Вижу ж – коттоновая. Только не «фирма» – это, извини, тоже видно. Явно не пилится... хотя... Чье производство, не скажешь? Самопал? Индия? Болгария? Польша?

– Полагаю, Турция... – Леонид пожал плечами. Ну и борода... чего, спрашивается, пристал?

– Хок! – бородатый хлопнул себя ладонями по ляжкам. – Ну, ты смотри, уже и турки джины стали делать! Но, конечно, не «Монтана» и не «Ливайс». Ты куртку-то не дашь померить? Вроде бы как на меня. А деньгами, сказал, не обижу – три червонца, лады?

– Чего? – к удивлению своему, Арцыбашев вдруг обнаружил, что никак не может отвяжаться от этого наглого парня, скорее всего – психа. Уж так ему хотелось старую Лёнькину куртку примерить, уже и деньги совал. Какие-то странные, красноватые купюры... Господи! С Лениным!

И мало того что совал – уже и куртку начал стаскивать.

– Эй, эй...

– Извини, я часть – мелочью... Ты, если что подобное будет, ко мне тащи, ценой не обижу. Тут, у «Березки», спросишь Блэкмора – прозвище такое... Опа! Менты!!! Сматываемся!

Стащив-таки куртку, незнакомец юркнул в ближайшую подворотню, оставив на тротуаре обескураженного Леонида. Мимо проехал желтый полицейский уазик. Подписан он был по-старому – «Милиция». Видно, надпись еще не успели сменить.

– Нет, ну среди бела дня, в центре Москвы – раздели! – Арцыбашев изумился самому себе. Он, конечно, не любил зря геройствовать, но за самого себя постоять бы смог. Однако почему-то стоял, словно замороженный... А в руках держал деньги. Те самые, с Лениным. Две красненькие бумажки номиналом по десять рублей, одна голубоватая пятерка, светло-зелененькая «трешница», пара мятых, совсем уж мелких, фантиков-рублей и разномастная мелочь.

– А ну вас всех!

Куртки вообще-то было нисколько не жаль... Но вот смартфон, ключи! И где теперь этого бородатого искать-то? Стоп, он же сам сказал – у «Березки». Сейчас что-то не видно... свалил. Может, завтра появится? А может, и не появится... Так что сейчас-то? Домой. А ключи? Запасные-то висят... дома. Только как до них добраться? Железную дверь ломать? Лучше уж через соседский балкон – запросто. Сосед уже так вот лазал. Тоже ключи потерял... Значит, домой, ага. Отдохнуть, взять деньги да срочно купить новый мобильник...

Махнув рукой, Леонид спросил у первого попавшегося прохожего дорогу к метро, да туда и отправился. И там, в павильоне, снова ощутил странность. Вместо карточек люди бросали в автоматы жетоны – как в Питере. Лёня сунулся было в окошечко кассы...

– Что еще за жетон, товарищ? – красное лицо кассирши выразило самое глубокое изумление. – А, вам проездной, наверное...

– Нет, нет. Мне только до дому доехать.

– Что у вас, уважаемый, пятачка нет?

Пятачка...

А ведь был пятачок-то, имелся. В той горсти мелочи, что вывалил бородатый за куртку... как его... Блэкмор. Музыканта так звали, в «Дип Перпл». А этот, видно, фанат.

Опустив монету, Арцыбашев спустился по эскалатору и, сев в поезд, погрузился в свои мысли. В принципе ничего такого страшного не случилось – ну, куртка, ну, смартфон... Жалко, конечно, но поправимо.

Стоявшая рядом светловолосая девушка в голубом шелковом платье читала какую-то толстую книгу. Леонид случайно заглянул через плечо.

«...госпожа Бонасье между тем, взяв в руки молоток, постучала в дверь...»

Госпожа Бонасье! «Три мушкетера». Ну, надо же, что сейчас блондинки-то читают! Главное, по старинке, в «бумаге», без ридера. Хотя вообще-то, среди продвинутой молодежи как раз сейчас мода пошла – бумажные книжки читать, настоящие.

– «Молодежная». Поезд прибыл на конечную станцию. Уважаемые товарищи, не забывайте свои вещи в вагонах электропоезда.

Арцыбашев вышел на перрон вместе со всем народом и озадаченно хлопнул глазами. Почему это «Молодежная» – и вдруг конечная?

– Девушка, а что, до «Крылатского» поезда не идут?

Так просто спросил. Ту самую блондинку. С Дюма.

Девушка обернулась – красивая.

– Так «Крылатское»-то еще не построили. Ну, разве что специально для вас.

Сказала, улыбнулась и пошла, помахивая брезентовой сумкой. И походка такая – от бедра. А на сумке – олимпийский мишка и надпись «Олимпиада-80». Поклонница старины, блин. Ишь ты – «не построили». Издевается. Впрочем, черт с ней...

Выйдя из вестибюля, молодой человек удивился еще больше. Он просто ничего не узнал! Не было ни новостроек, ни крытого рынка, ни супермаркетов. Но надпись на павильоне метро имела: «Молодежная». Да и улица... ну да, похоже. А вот и своя, Ярцевская. Черт побери, а куда магазин-то делся?! И ресторан японский – где? А дом... где его дом-то? Да и вообще – что кругом делается?! Куда все делось?

– Командированный, что ли? Эй-эй, – какая-то разбитная девица в кроткой юбке потрясла Арцыбашева за рукав. – Если квартира нужна, так я могу устроить. И не только квартиру...

Леонид поднял глаза. Крашенная блондинка. Лет тридцати или даже моложе. В принципе симпатичная, стройная. И взгляд такой... вполне откровенный. А что? У нее и зависнуть, расслабиться... Черт! А деньги? У него ж одни только эти... советские фантики. Хотя, может, среди них что и завалялось...

– Эй, эй, ты тугрики-то свои не свети, – почему-то заволновалась девчонка. – Давай отойдем лучше.

– Давай.

Сразу за павильоном, оказывается, располагался пивной ларек, и народу там хватало. Крашенная туда не пошла, повела молодого человека подальше, к кустам акации, огляделась...

– Ну, сколько у тебя есть?

– Нисколько. Вот только это...

– Ага.

Навязчивая незнакомка ловко пересчитала деньги.

– Ну, что сказать, на одну ночь хватит. Сейчас я тебя отведу, а потом быстренько в лабаз сбегая. Коньячок там, то, се... у меня продавщица знакомая. Э-эй, что стоишь-то? Пошли.

Раньше Арцыбашеву казалось, что район этот он знал хорошо. А вот фиг вам, оказывается! Никогда не думал, что здесь так много хрущевок. Кругом одни пятиэтажки обшарпанные. Новостройки тоже есть, а вот машин почему-то мало. А из тех, что припаркованы... «Жигули» первой модели... «троечка» густо-синего цвета... оранжевый «Москвич»-комби... и надо же – «запорюги»: ушастый, мыльница, снова ушастый... А состояние-то очень даже ничего!

– Ну, почти пришли, – крашенная кивнула на подъезд с сидящими на лавке бабушками. – Давай так, сначала ты зайдешь, а чуть погодя – я. На третьем этаже ждать будешь. А то, сам видишь, комсомольско-пензионерский патруль. Управдом – друг человека!

Девчонка кивнула на бабок и выругалась.

– Да не бойся, не кину. Бабки-то все у тебя.

Подъезд оказался вполне обычным, разрисованным. «Леха дурак», «Катя Л плюс Миша К равно любовь», «АВВА», «Високосное лето», «Араке»... А на площадке-то – все двери обычные! Фанерные, ни одной железной. Ну, беднота-а-а...

Крашенная не обманула, явилась почти сразу, и пары минут не прошло. Вытащила из сумочки ключи, открыла.

– Проходи. Вон, на диване располагайся, телевизор включай. А я в лабаз, мигом! Да! Тугрики-то давай.

Леонид молча вывалил в подставленные ладони «фантики» и мелочь. Девчонка радостно улыбнулась:

– Ну, жди!

Ушла, хлопнув дверью. Хм... даже не заперла.

Оставшись в одиночестве, Арцыбашев с удивлением осматривал «хрущобу». Обычная однокомнатная квартирка, явно съемная. Древняя, но вполне еще крепкая мебель, убогие обои

в мелкий цветочек, в красном углу старинный – на черных ножках! – телевизор «Рекорд». На стене большой календарь с портретом молодой Аллы Пугачевой, почему-то на 1981 год, рядом с ним – такой же календарь, но англоязычный, глянцевый, с изображением собора Василия Блаженного и надписью «Олимпиада-80». Далась, блин, им эта олимпиада! Вокруг календарей веером располагались мелкие черно-белые фотографии и картинки. Культовая шведская группа «АББА», ансамбль «Верасы», еще какие-то парни с гитарами и в клешах... ага! А вот и портрет хозяйки. На море, в купальнике. Тут она еще брюнетка. А фигурка-то – да-а-а-а... И на вид – лет восемнадцать. Интересно, сколько ей сейчас?

– Любуешься?

Леонид вздрогнул – слишком уж незаметно девчонка вошла. Ну да, скинула в прихожей туфли, босиком... а ножки... ах, ножки...

– Тебя как зовут, кстати?

– Леонид. Лёня... А вас?

Крашенная засмеялась:

– Лена я... Некоторые Еленой Прекрасной кличут, а иные – Элен.

– А вам самой-то как больше нравится?

– Да все равно. Слушай, ты чего выкаешь-то? Ах, да, на брудершафт не пили... Ну, так открывай.

Наскоро сделав бутерброды с вареной докторской колбасой, Лена достала из старинного буфета рюмки, придвинула к дивану журнальный столик. Лёня разлил коньяк. Выпили.

Хороший коньячок оказался, хоть и грузинский. Забористый, душистый. Такой ж, как и последовавший за ним поцелуй...

А дальше ж произошло то, что и должно было произойти, ради чего Арцыбашев сюда и явился. Погладив крашеную по бедру, молодой человек обнял ее, поласкал ладонями спинку, запустив руки под блузку... потом добрался до пуговиц... расстегнул лифчик...

Юбку и трусики Лена сняла сама – умело и быстро. Уселась сверху, расстегнула ремень...

Она оказалась страстной любовницей и много чего умела, Леонид даже не ожидал... впрочем, вполне ожидал, раз уж попался профессионалке, да еще какой! Просто идеальная фигурка, плоский живот, крутые бедра и налитая любовным соком грудь с большими чувственными сосками, быстро затвердевшими под бегающими пальцами гостя. А как сладостно было накрыть эти соски губами, поласкать языком, обнимая, глядя теплую шелковистую кожу... Девушка выгнулась, застонала...

– Лёня, ты куришь?

– Вообще-то бросил.

– Тогда я на балкон...

Накинув халатик, Лена-Элен схватила со стола красно-белую пачку «Мальборо». Покурила быстро, пришла.

– А ты не жадный. Ну, выпьем еще. Я телик включу... или лучше музыку.

Девушка кивнула на старый проигрыватель «Аккорд», стоявший прямо на полу рядом с телевизором и кучей старинных виниловых грампластинок в разноцветных конвертах.

– Поль Мориа... нравится?

– Да что хочешь.

Заскрипела игла, послышалась легкая музыка. Любовники выпили.

– Ты откуда будешь-то? – тихо поинтересовалась хозяйка.

– Из Лихвинска, – скрывать свое провинциальное происхождение Арцыбашев не считал нужным – не место рождения человека красит.

– Из Лихвинска?! – Лена неожиданно встрепенулась. – Так я там в прошлом году жила! Ну, на время олимпиады сослали, выселили... Слушай, у вас там такой клуб потрясный. И ансамбль... кажется, «Апрель» называется. Они «Ирапшн» почти один в один снимают. Уан уэй тикет! Синий-синий иней! Круто! Слушай... – девушка наконец успокоилась. – А мы ведь там встречаться могли. Ну, так, ненароком. У вас там собор-то отреставрировали?

– Давно уже.

Гость покривился. Пускаться в ностальгические воспоминания сейчас в его планы отнюдь не входило. В настоящем бы, так сказать, моменте лучше поскорей разобраться. Отчего кругом все такое старое-то?

– Слушай, у тебя комп где? Ну, или смартфон, ноут... Мне бы почту проверить.

– Умный, да? – скосив зеленые, с поволокой, глаза, расхохоталась Лена. – Словами иностранными выпендриваешься? А я тоже, между прочим, в институт поступала... да не поступила. А ты думал – москвичка, ага?

Девушка выкрикнула это неожиданно зло, истерично, и опытный в общении с женщинами Леонид быстренько плеснул ей коньяк. Целую рюмку.

– Ну, за удачу!

– За удачу... ага.

Потом снова был секс, потом выпивка, а потом... потом девушка отрубилась, уснула.

Осторожно выскользнув из-под одеяла, Арцыбашев включил телевизор.

– Избранный президентом Франции Франсуа Миттеран посетил Нормандию, – с неподдельным энтузиазмом сообщила появившаяся на экране тетка. – И вновь к новостям в Советском Союзе. Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР, маршал Советского Союза товарищ Леонид Ильич Брежнев в своем выступлении на...

– Не спится?

Приподнявшись, Лена погладила любовника по спине.

– А телик-то у тебя – черно-белый...

– Ну, извини, не накопила еще на «Радугу».

– Слышь, Лена... А сегодня какое число?

– Семнадцатое, кажется.

– Ну да, семнадцатое... А...

Арцыбашев хотел бы спросит девушку, какой сейчас год, но осекся. Вопрос сей звучал бы довольно странно... если задать его прямо, в лоб. А вот ежели пытаться в обходную...

– Смотрю, ты на юг ездила, – молодой человек кивнул на фотографию. – Когда?

– Да года два назад... Ну да, в семьдесят девятом. Мы тогда еще...

Семьдесят девятый! Два года назад – семьдесят девятый. Значит, сейчас – восемьдесят первый! То-то и календарь... и метро, дома, машины... деньги эти странные. Но... ведь быть такого не может. Потому что не может быть никогда! Однако вот, кажется, есть...

– Что с тобой? – Лена обняла гостя за плечи. – Что – знобит? Коньяк так подействовал? Так ты бы не пил много.

– Коньяк? Да нет, просто озяб немного.

– Озяб? Ну, иди... согрею...

Они расстались утром. Леонид шел, словно в тумане, стараясь не обращать внимания на старые авто, на спешащих куда-то людей, на кумачовые лозунги с приветом двадцать шестому съезду партии. Просто шел. Шел к метро. И вышел – у магазина «Березка». Постоял, вспоминая... пошел... свернул в знакомую подворотню. Вот, кажется, здесь... Нет. Там песочница была, подростки... Значит, не эта, следующая... Ага... вот и песочница, а вот и... вот и люк! Даже чуть сдвинут.

Оглядевшись вокруг, молодой человек отодвинул тяжелую крышку и нырнул в черное зеву коллектора. Слава богу, у Лены оказался фонарик. То есть не у нее – хозяйский. Завалился на кухне, на подоконнике. Теперь пригодился...

Светя по сторонам, Арцыбашев нервно отсчитывал шаги. Кажется, здесь направо. Ну да! Вон и песок, и трубы... И палка та, черенок от лопаты – вон, валяется. Похоже, все правильно. А вот и лаз!

Леонид выбрался наружу в знакомом дворе за мусорными контейнерами. Как и там, в восемьдесят первом, здесь тоже было раннее утро, и какой-то азиат-дворник деловито орудовал метлой. И все кругом было родное! Реклама какой-то турфирмы, новенькие иномарки, даже тот же дворник.

«Вернулся!» – возликовал Арцыбашев. Все-таки вернулся! Или... все, что было вчера – сон? Восемьдесят первый год, бородатый... Лена... Черт, а смартфон-то, похоже – тью-тью. Вместе с курткой.

* * *

Выдержал Лёня недолго. Дня два. А на третий уже стало ломать – все хотелось вновь пробраться в старое, чужое время, о котором конечно же никому не рассказывал. Убедиться, что не сон.

Конечно, боязно было. А вдруг да не удастся обратно вернуться, вдруг да навсегда – там! Все так. Однако с другой стороны – хочется-колется. И жилка авантюрная на виске так и бьется, зараза, так и бьется, прямо спать не дает!

Не спал Арцыбашев, ворочался и наконец-таки решился. Просто спустился в коллектор, отыскал – не с первого разу – знакомый лаз, выбрался, вышел... Все те же мамочки с колясками, подростки в песочнице... Восемьдесят первый год!

Со двора Леонид выходить не стал – обратно подался. Выбрался за мусоркой, дух перевел. А работал лаз-то, работал! И туда можно было спокойно попасть, и обратно – без всяких затруднений. А раз так... так, может быть, попробовать бородатого Блэкмора отыскать да попробовать вернуть смартфон. Ну, куда он в восемьдесят первом? Да и не только в смартфоне, честно говоря, дело было... Лена! Ах, Лена... Почему б и не повторить-то? Тем более – с кем еще такое случалось? Шок, эйфория и какой-то детский боязливый восторг слились в голове Леонида в одну бурную кашу. А вернее сказать, не в кашу, а в брагу – неописуемо бодрящую, бродящую, грозящую вот-вот вышибить клапан.

К основному визиту в не столь уж и далекое прошлое Арцыбашев подготовился основательно. Вспомнил, что бородатый о джинсах говорил, купил парочку на распродаже, по пятьсот рублей обошлись. Одни – синие, другие – черные. Турецкие, вестимо.

Из лаза в старом дворе выбрался, отряхнулся. Мамочкам молодым кивнул, словно старый знакомец. Так же и они ему. Здравствуйте, мол. Парни в песочнице покурить стрельнуть попытались... увы... Но ничего, не обиделись. У кого-то другого стрельнули.

Вышел Леонид на широкую улицу... а сердце-то колотилось. Вот-вот из груди выпрыгнет. Подошел к «Березке».

– Блэкмора, с бородой такого, не видели?

– Да вон он, у тачки своей.

Ага. Как же Лёня сразу не разглядел-то? Вот он, Блэкмор. Стоит, на приоткрытую дверцу оперевшись картинно, перед раскрашенными деваками красуется. Арцыбашев хмыкнул да подошел внаглую:

– Привет, борода!

Блэкмор оглянулся, узнал:

– И тебе не хворать. Здорово.

Ничуть ведь не испугался, зараза. Хотя чего ему бояться-то? Он ведь у себя. Улыбнулся вполне даже доброжелательно да насчет джинсов спросил. Не забыл, надо же.

– Стой, стой, не показывай. В машину давай. Девчонки, до вечера!

Сел Лёня в машину. Бородатый двигатель запустил – поехали. Остановились в каком-то проулке. Блэкмор огляделся по сторонам, даже очки снял:

– Вот теперь – давай.

– Там у тебя одна вещица моя осталась... случайно в куртке забыл.

– Сначала джины покажь.

Черные джинсы бородатому почему-то не понравились напрочь, даже посмотреть не стал, а вот синие, обычнее, пятьсот первые, заценил, правда, буркнул, что «не крутая фирма» и, мол, шовчика снаружи нет. Дался ему этот шовчик, тоже еще шмоточник!

– Так вещица-то...

– За вот эти – пять червонцев дам, и без торга.

– А черные?

Парень осклабился:

– Слышь ты, деревня! Джинсы – синие. Только синие, понимаешь, даже, скорей, темно-голубые. Краска такая – индиго, линяющая. Черные – ни один лох не возьмет. Так что забирай обратно.

– А вещица моя?

– Эта, что ли? – Блэкмор вытащил из бардачка смартфон. – Игрушка детская?

– Типа того...

– Я б ее, честно сказать, продал, да включить не смог. Как включается-то?

– Никак, – обрадованный Арцыбашев поспешно сунул смартфон в карман. – Батарейки сели.

– Я так и думал... Ладно – чирик с тебя за хранение!

– Чего?

– Я ведь мог его и продать. Ну, или выкинул бы, – бородатый улыбнулся сквозь зубы. – Однако не выкинул. Знал, что ты придешь. Джины – самопал?

– Турция.

– Ах да, ты говорил в прошлый раз. Так еще притаранишь? – Блэкмор неожиданно стал серьезным, деловым, без всяких там ухмылочек. – Так есть товар-то?

– Ну... допустим, – задумчиво пробурчал Леонид.

– Да ты не жмись, полтинник – красная цена! Больше тебе все равно никто не даст, тем более оптом, – собеседник его вдруг покраснел, разволновался, стал размахивать руками. – Нет, ну хочешь – сам толкай. Только не советую, пипл тебя не знает, да и менты сейчас зверствуют. Так что, договорились?

– Черт с тобой, договорились. До «Молодежной» такси сколько стоит?

– Трояка хватит. А пятерку дашь – так с ветерком довезут. И без всякой очереди. Организовать?

Арцыбашев махнул рукой:

– Давай, организовывай...

Ленка ему обрадовалась, это было видно. Сразу накинулась с вопросами, мол, где столько дней пропадал. Леонид отвечал уклончиво, мол, он же командированный, вот и...

– Поняла, поняла, – засмеялась Лена. – Суп на вечер варить? Будешь? Или... может, в ресторан сходим?

– В ресторан? – Арцыбашев задумался. – Тридцати рублей хватит, наверное?

– Ты мой зайчик! Нет! Волк из «Ну, погоди!».

– Скорее уж Скрудж Мак-Дак, если мультиками считать, – рассмеявшись, Леонид схватил девчонку в охапку и, покрутив на руках, осторожно опустил на диван, быстро расстегивая халатик.

Оставшись в одних трусиках, Ленка вдруг взвизгнула и убежала на кухню – что-то у нее там жарилось или варилось. Явилась быстро, уже без трусиков. Встала в дверях, готовая ко всему, вся такая аппетитная, юная...

– Потанцуем? Я сейчас музыку...

Наклонилась к пластинкам.

Лёня не выдержал, не стал больше ждать. Вскочил, на ходу расстегивая джинсы, пригнул Ленку к полу, погладил о спинке, грудь поласкал... и между ног, чувствуя, как дыхание девушки становится громким и частым... и вот уже вырвался стон...

Он ушел утром. Без всяких проблем вернулся в свою эпоху, заглянул в лавку, да, сказавшись немного простывшим, поехал к себе. Дома включил ноутбук, задумался... стал кое-что смотреть, выяснять, довольно мыча и временами насвистывая Моцарта. Всем знакомый отрывочек из сороковой симфонии.

Итак. Средняя зарплата в начале восьмидесятых – сто – сто двадцать рублей, много – сто тридцать. В ресторане посидеть... скромненько – червонец, со вкусом – двадцать пять. Как вот вчера... ох, и лихо же вышло! А Ленка-то, Ленка... вот оторва-то, ах...

Джинсы Блэкмор берет по полтиннику... здесь – синие, только синие – можно купить по пятьсот. А на оптовой базе, глядишь, и куда дешевле выйдет. За пять штанов в восемьдесят первом году можно месяц жить, не бедствуя и ни о чем не беспокоясь. А за десять, двадцать? Борода – звали его, кстати, Санек – уверял, что и полсотни в месяц продать – труда не составит. Больше – стремно уже. Хорошо, полсотни. Это значит, это значит – две с половиной тысячи. Для начала восьмидесятых – не хило! Но с другой стороны, на что ему, Леониду Арцыбашеву, советские деньги? Что здесь на них купишь-то? Здесь – ничего. А там? Что-то такое, чтобы и здесь ценилось, что можно было б продать за хорошие бабки. И что? Антиквариат – вот что! Вещицы старинные, иконы...

* * *

– Антиквариат? Иконы? – ошалело переспросил Блэкмор. – Ну, ты, чувак, даешь! Хорошо еще, про валюту не спросил. Под расстрельную статью хочешь?

Арцыбашев успокаивающе похлопал «жучка» по плечу:

– Да ладно тебе, Санек! Чего так разволновался-то? Дело верное. Тебя, сам знаешь, не обижу.

– Да не во мне одном дело, – прикидывая что-то в уме, вздохнул бородач. – В комиссиях, конечно, можно кое-что найти. Но там только по паспорту, а тебе, я так понимаю, светиться резона нет. Значит, людишек подключать надо. Допустим, есть у меня шустряки... Но им платить придется.

Так вот, сидя в новенькой блэкморовской «шестерке», и рассуждали, думали. В конце концов пришли к обоюдовыгодному консенсусу, договорились, хлопнули по рукам, вечером обмыли сделку в «Метрополе».

В ресторан Ленка надела зеленое платье, дорогое, специально для подобного случая сшитое в почти закрытом ателье, из модной заграничной ткани. Естественно, на арцыбашевские деньги. Зажигала так, что дым коромыслом стоял, а уж потом, дома...

Леонид уже и голову ломать перестал – как так, в нарушение всех законов физики, могло получиться, что он преспокойно сигает себе в начало восьмидесятых и обратно. Это пусть

ученые академики думают, а ему самому думать нечего, коль уж так поперло! Иконы появились и антиквариат, даже камни драгоценные проскочили – пошло дело! И все это – в обмен на грошовые турецкие джинсы. Санек-Блэкмор, подумав, нанял двух швей, кои быстренько превращали дешевый ширпотреб в истинную – не докопаешься! – фирму. Делали лишний – снаружи – шовчик, лейблы фирменные пришивали – «Монтана», «Ливайс», «Ли»... Оттого и шли джинсы уже по полторы сотни, из которых семьдесят рубелей были – Лёнькины. Хорошее закрутилось дело, денежное! А уж Ленка-то как довольна была. Еще бы – совершенно случайно оторвала такого крутого парня. Не жизнь складывалась, а малина. Но вот однажды...

Стоял уже июнь, и в тот день все не заладилось еще как-то с утра. Во-первых, на оптовой базе, ссылаясь на кризис и падающий коромыслом рубль, подняли цену с пятисот до восьмисот, что являло Арцыбашеву прямой убыток. А во-вторых, еще и товар какой-то подсунули лежалый, синий, но не такой синий, как обычно... Блэкмор в машине кривился, но все ж, как обещал, по полтиннику взял. В-третьих, Ленка на юг запросилась. Заканючила – хочу, мол, в Сочи хотя б на пару недель. В Сочи... отдохнуть, конечно, можно, но чуть позже, в августе, а еще лучше – в сентябре. Пока дело налаженное идет – пахать, работать надо.

Именно так Леонид сожительнице и объяснил. Именно такими словами. И нарвался... ну, не на скандал, конечно, упаси боже, но... Надулась Ленка, да весь вечер хмурилась. Утром так, хмурой, и попрощалась. Вот ведь шалава! И что ей неймется-то? На юг, видите ли, захотелось.

Утро тоже выдалось хмурое, пасмурное, вот-вот – и дождик. Как раз и закапал, едва Леонид успел добежать до «Молодежной». А вот в центре города дождя не было, хотя облака-тучи висели, однако и голубое небо, и солнышко уже начинали проглядывать кое-где.

Арцыбашев подходил к подворотне, когда...

– Товарищ!

Молодой человек обернулся:

– Вы мне?

Мент! Младший лейтенант милиции! Быстро же они... да-а-а-а...

– Участковый инспектор младший лейтенант Бобриков, – козырнув, представился милиционер. – Попрошу ваши документы предъявить. Что? Ах, с собой нет. Ну, вы и не обязаны их носить. А личность вашу мы установим, пройдемте вот, в отделение...

– А что я такого нару...

– Там все и узнаете. Да не переживайте, здесь недалеко.

Времени на раздумье не оставалось, и Арцыбашев это хорошо понимал. Понимал и действовал – решительно и быстро. Просто улыбнулся, зевнул... и опрометью бросился в подворотню. Сзади послышался топот и милицейский свисток.

Слава богу, у трудящихся нынче выдался выходной, и наперерез бегущему, слышав свисток, ринулась лишь одна дворничиха, судя по необъятным размерам – явно не чемпион мира по бегу.

– Вон он, вон... Держи вора-а-а!

Леонид все же успел. Нырнул в люк, рассекретив временной лаз, да уж деваться было некуда – близкое знакомство с соответствующими органами советской власти в планы Арцыбашева никак не входило. А потому нужно было бежать, скрываться... что он сейчас и делал.

Заскрипели под ногами скобы... обвалился песок...

– Гражданин, предлагаю сдаться! – грозно послышалось сверху.

Ага! Держи карман шире. Интересно, продолжит ли милиционер погоню? Вряд ли. Должен же понимать – в темноте-то он вряд ли кого найдет. Да и запах...

И все же следовало убираться отсюда как можно быстрее. Выбравшись из узкого коллектора в основную пещеру, молодой человек несколько перевел дух и прислушался. Никто за ним не гнался – ни шагов, ни криков, ни свистка слышно не было.

«Интересно, а что, если и милиционер этот вдруг в начале двадцать первого века оказался?» – подумал вдруг Леонид. То-то б потеха вышла.

Ухмыльнувшись, он направился к родному люку... и уже через пару десятков шагов споткнулся о что-то мягкое, так, что едва не упал. Однако равновесие все же удалось удержать, а вот фонарик выронил, пришлось долго искать – опустившись на корточки, шарить вокруг руками.

Ага, вот он, фонарик... А что, интересно, тут...

Посветив себе под ноги, путешественник во времени вдруг застыл в изумлении и страхе. Прямо перед ним, устремив невидящие глаза к темным сводам пещеры, лежало мертвое человеческое тело, проще говоря – труп! Мало того – труп знакомый. Тот самый волосатый парень, сутулый, Денис – в кожаной потертой куртке и майке с изображением финской группы «Чилдрен оф Бодом». Около буквы «О» – как раз под сердцем – торчала длинная черная стрела.

– Господи... – с подозрением оглядываясь вокруг, Арцыбашев размахисто перекрестился. Прочел бы и какую-нибудь молитву, ежели б знал.

А может, и не успел бы прочесть – из бокового хода вдруг послышался шум, и на свет фонаря вышло... настоящее привидение! Бледное, ростом с Леонида... и на него, кстати, похожее! Такое же вытянутое лицо, шевелюра, усики, борода... Только одежда странная – какой-то длинный, до пят, балахон. Псих, что ли?

– Помогите! – шурясь от света, воскликнуло привидение по-немецки. – Помогите же! Кто здесь?

– Вот он! – в глубине уходящей куда-то к Китай-городу и Кремлю пещеры вдруг послышались крики. Зашарили по стенам лучи многочисленных фонарей...

Выкрикивая угрозы, неизвестные быстро приближались – видать, знали тут все.

Дигтеры! Черные дигтеры. Снова объявились, б-блин...

– Бежим! – Леонид схватил странного незнакомца за руку. – Живее.

Тот никуда бежать не возжелал, уперся, и Арцыбашев, плюнув, решил спасаться один – против такого количества готовых на все парней геройствовать было нечего.

– Этого держите, а мы – того!

За спиной слышался гулкий топот погони и азартные, не всегда цензурные, выкрики. Прибавив ходу, Арцыбашев нырнул в первый же попавшийся туннель и сразу выключил фонарик, пробираясь дальше наощупь... и на свет! Да-да, впереди забрезжила узенькая полоска. Люк!

Вот и скобы... Господи-и-и-и... Неужели убежал-таки, вырвался! Как тот колобок – и от бабушки ушел, и от дедушки ушел...

Проворно поднявшись по скобам, беглец, к большому своему удивлению, никакого канализационного люка не обнаружил... а обнаружил небольшой подвал или, скорее, погреб. Кругом стояли какие-то бочки, на стенах висели сушеные травы и веники. А сквозь приоткрытую дверь ярко сверкнуло солнце!

Ну, слава богу...

Шмыгнув носом, Арцыбашев вышел наружу... и обомлел. Судя по высившимся за деревьями и кустами таким знакомым башням и храмам, он оказался внутри Кремля, ближе к набережной, недалеко от Тайницкой башни. Ну, да! Вон – купола Архангельского собора, а вон – Успенский...

– Ух, ты ж-ж-ж!!!

Из кустов, прямо на Леонида, неожиданно выскочил здоровущий парняга в сверкающем – похоже, что парчовом – кафтане и с серебристым топориком. Рында! Насколько помнил Арцыбашев, царские телохранители в шестнадцатом-семнадцатом веках выглядели именно так. Однако интере-есное кино...

– Королевич! Батюшка! – бросив топорик, парняга неожиданно повалился на колени. – Арцымагнус Крестьянович! Вон ты где... А мы-то, дурни, повсюду ищем. Государь наш, пресветлый царь Иоанн Васильевич, тебя на трапезу свою жалует!

Глава 2

Москва. Королевич

Поднявшись с колен, рында отвесил поясной поклон и, подобрав топорик, вытянулся:

– Дозволь в покои проводить, господине! Государь ты платьем красным пожаловал, дабы одежду немецкую не нашивать на пиру да помолвке.

В покои... Леонид ошалело помотал головой. Первым его желанием было нырнуть обратно в подвал. Но в подземелье поджидали озлобленные диггеры... да и тут уже набежало людишек. Откуда и взялись-то? Какие-то молодые люди в черных кафтанах и с саблями, старик с сивой реденькой бородой, девчонки в сарафанах и забавных головных повязках – убрусах? Повойниках? Шестнадцатый век в чистом виде в исполнении труппы погорелого театра. Девчонки смотрели на Арцыбашева с доброжелательным любопытством, а парни – строго. Старик же вообще зыркал глазами так, будто Леонид занял у него тысяч сто и до сих пор не отдал.

– Вот, господин королевич, – рында указал рукой на молодых людей. – Личная твоя охрана. Все как один – кромешники.

Кромешники... Господи, так ведь опричников именовали! А что, рожи вполне подходящие... такие и саблей махнут, не моргнут глазом.

– Ну, в покои так в покои, – придя в себя, Леонид решительно махнул рукою. – Посмотрим, что там царь-батюшка за шмотки прислал.

Опричники удивленно переглянулись, рында же радостно засмеялся и одобрительно кивнул:

– Ай, молодец, Арцымагнус Крестьянович, ай, молодец! Третий день в Москве, а уже и по-нашему, по-русски говорить начал. То царю-батюшке по нраву будет.

Парни тоже заулыбались. Девчонки хмыкнули. А старик угрюмо вздохнул.

Пошли. Первым – рында, за ним Арцыбашев, следом – конвоем – опричники. Девки и старик, любопытствуя, шествовали на некотором отдалении. Выйдя из-за кустов, вся процессия очутилась на широкой дорожке, ведущей от Тайницких ворот в глубь Кремля... в царские палаты!

Леонид только глянул вокруг, как сразу дух захватило и дыхание сперло так, что закашлялся. По правую руку его сиял золотым куполом Архангельский собор, слева же сверкали купола собора Успенского. На папертях у церкви толпился народ в длинных цветных кафтанах и отороченных мехом – несмотря на июнь – шапках. Завидев идущих, толпа поспешно расступилась; многие улыбались, кланялись, даже кидали вверх шапки и что-то кричали, опять же вполне доброжелательно и радостно. Видать, тот, за кого приняли сейчас – а ведь приняли же, обознались! – Арцыбашева, был здесь достаточно популярен.

Как его обозвали-то? Арцымагнус, блин, Крестьянович... Улыбаясь толпе, Леонид хмыкнул. По-русски, вишь, говорить наловчился. Та-ак... А не с тем ли немцем его спутали, который в подвале... в подземелье остался? Да так и есть. А что, ежели тот вскорости выберется? Это что же, выходит, он, Леонид Федорович, самозванец? Пусть поневоле, но все-таки.

Арцыбашев посмурнел лицом. Что во времена Ивана Грозного делали с самозванцами, он себе представлял прекрасно: «первым делом – на кол посадить, а уж опосля...» Черт, как-то надо спасаться, что-то думать. Хотя что тут и думать-то? В подвал пробираться, улучив момент. Не сейчас, позже...

Странно, но то, что он сейчас очутился вдруг в шестнадцатом веке, молодого человека ничуть не смущало. В животе, правда, холодело – времечко-то лихое! Да и царь Иван Васильевич – тот еще деспот. Все так...

Однако если можно было попасть в тысяча девятьсот восемьдесят первый год, то почему нельзя в шестнадцатом веке оказаться? Выбраться отсюда поскорей – всего-то и дел... Да, еще бы хорошо убедиться, что все это не инсценировка, не историческая реконструкция.

Не, не реконструкция. Вон, народ какой... истовый. Так не сыграешь. Бежать! Бежать отсюда скорей. При первой же возможности.

Обойдя Успенский собор, рында, а следом за ним и Лёня с опричниками, зашагали в сторону Никольской башни, возле которой виднелись какие-то узорчатые хоромы, сложенные из крепких бревен. У резного крыльца стояли двое часовых в пластинчатых, с кольчужными рукавами и подолом, бронях и с алебардами-бердышами на плечах. Насколько помнил Арцыбашев, брони такие назывались бахтерцами.

При виде «королевича» воины поспешно посторонились. Рында с опричниками на крыльцо не пошли – встали рядом с караульными и поклонились.

– Тута тебя ждять и будут, – доходчиво пояснил рында. – А я, господине, на службу пошел.

Поднявшись на крыльцо, Арцыбашев в задумчивости замедлил шаг. Куда теперь идти-то? Где выделенные ему покои? Спросить у опричников – мол, подзабыл? Не-ет, с этим мордами лучше лишний раз не общаться, лучше у кого другого спросить. Должна же здесь быть дворня, слуги...

– О, майи герр! – едва не сбив Леонида с ног, на крыльцо выскочил лохматый мальчишка, одетый вполне по-европейски – в узкие штаны-чулки с небольшими буфами, желтую кожаную жилетку и серовато-белую, похоже давно не стиранную, сорочку с заштопанными рукавами. Все серенькое, невзрачненькое, грязноватое...

– О, майи герр, ваше высочество... – парень говорил по-немецки. – А я вас везде ишу! Я почистил ваше платье, ваше высочество, и до блеска надраил башмаки, и накрахмалил брыжи, и... но тут явились московские варвары, принесли свою варварскую одежду... очень дорогую, майи герр, но весьма неудобную.

– Веди в комнаты, – вспомнив немецкий, распорядился беглец. – Показывай одежду.

– Да-да, майи герр, да-да! – парнишка радостно улыбался, узкое лицо его сияло, казалось, самой искренней радостью... впрочем, под левым глазом растекался вчерашний синяк.

– Забыл сказать, только что заходил герр Андреас Стчелкалов, канцлер, напомнил, чтобы вы были обязательно в их одежде, мол, так принято... и будет приятно кесарю.

Мальчишка трещал по-немецки без умолку, словно сорока, однако, к своему изумлению, Арцыбашев почти все понимал. А что не понимал, то угадывал.

– Вот, майн герр! Я даже не знаю, как все это надевать! Ой... а на вас-то что за кафтан? Вроде вы не в этом выходили... Ого! Вы вылечили свой глаз, господин?! Так что совсем незаметно... О, эти русские – настоящие колдуны! Я тут услышал...

– Меньше болтай! – сурово осадил Лёня. – Давай, помогай одеваться.

– Яволь, майн герр! – парнишка поспешно вытянулся, в больших светло-серых глазах его явно промелькнул страх.

Посередине просторной, со слюдяным окном и изразцовой печью, горницы, куда следом за юным слугой вошел Арцыбашев, стоял огромный, обитый железными полосами сундук с распахнутой крышкой. В сундуке же...

В сундуке же чего только не было! Полотняные и шерстяные штаны, вышитая по подолу и вороту рубаха, длинная, голубого шелка, курточка, называемая зипун, тяжелый парчовый кафтан, щедро усыпанный жемчугом, еще что-то типа широкого распашного плаща с рукавами

– ферязь, затканная золотом. Еще – сапоги, кушаки, пояса, шапки... И в довершение ко всему этому великолепию совершенно роскошная подбитая соболями шуба. Точно такая же, какую грозный царь жаловал «хороняке и смертному прыщу» Якину в знаменитом фильме Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». Да-да, точно такая же.

– О, майн герр! – сверкнув глазами, восхищенно присвистнул слуга. – Это сколько же все это стоит?! Думаю, никак не меньше двух сотен талеров! Даже – три сотни! Мое жалованье за двадцать пять лет! Ах, как вас ценит император Руси, как все здесь вас уважают, майн герр... и не только здесь, но и по всей Ливонии... А когда вы станете королем...

– Что-что? – перебирая подарки, хмуро переспросил Арцыбашев.

Мальчишка потупился:

– Просто осмелюсь напомнить, ваше высочество, вы сами вчера говорили, что, мол, будете платить мне по-королевски. Целых два талера в месяц, майн герр!

– Обещал – сделаю, – истинно по-королевски ухмыльнулся беглец. Мало того что беглец, а теперь еще и самозванец!

– О, майн герр... Ваше высочество...

Рухнув на колени, парнишка принялся целовать Арцыбашеву руку. Из глаз его катились крупные, как град, слезы.

– О, господин мой... Ваше высочество... Ваше величество... не знаю, как и благодарить вас, как...

– Не реви, утомил уже! – по-русски возмутился Лёня. – И поднимись наконец с колен... Я кому сказал? Живо! Руку, блин, всю обсопливил. Напомни, как я тебя обычно звал-то?

– Как вам было угодно, ваше высочество. Балбес, свинья, ротозей, разиня и, это... изверг рода человеческого, – быстро перечислил слуга.

Арцыбашев покачал головой:

– Ныне буду звать тебя по-королевски – по имени. Напомни, как?

– Э-э... Петер, ваше высочество.

– Вот что, Петер, помогать мне не надо – переоденусь и сам. Где остальные слуги?

– Остальные? – мальчишка забавно наморщил нос. – Осмелюсь доложить, у вас один слуга – я. Остальные – стражники, воины. Ландскнехты, майн герр.

– Ах вот как, значит. Ландскнехты...

Леонид одевался по принципу матрешки. Джинсы с кедами оставил свои, а вот вместо футболки натянул рубашку, поверх нее – зипун, затем кафтан, на него ферязь. Кроме парчового кафтана, вся остальная одежда оказалась на удивление легкой и довольно свободной, по крайней мере никаких неудобств молодой человек не чувствовал. А вот шубу и меховую шапку решил не надевать – лето все-таки.

– Господи-и-ин... – ахнул Петер. – Вы – истинный король! Да что там король... Император! Русский кесарь не пожалеет, что связался с вами, а не со старым проходимцем Кеттлером. Ой, я хотел сказать...

В дверь постучали, и слуга поспешно кинулся открывать.

– Здравствуйте, герр Магнус. Как спали?

Вошедший – чем-то озабоченный мужчина лет сорока пяти – был одет довольно строго, а по меркам шестнадцатого века, даже по-деловому: в узкий и длинный кафтан добротного темно-зеленого сукна почти безо всяких украшений, кроме шитого золотом пояса. На поясе были привешены яшмовая чернильница, гусиное перо и серебряная ложка. Темная, с едва заметной проседью борода, аккуратная стрижка. Не лишенное притягательности лицо визитера отличалось живостью, серые, глубоко посаженные глаза светились недюжинным умом.

– Канцлер... – повернувшись, запоздало сообщил Петер.

– Идемте, – русский вельможа говорил по-немецки с сильным акцентом, но все-таки говорил. – Русский наряд, герр Магнус, вам весьма к лицу.

* * *

Царь Иван Васильевич встретил Арцыбашева как родного. То есть, конечно, не встретил – как и положено великому государю, он явился к пиршественному столу чуть позже, когда многочисленные гости – бояре, думные дьяки и прочие – уже успели почувствовать недюжинный аппетит.

Когда вошел царь, все поспешно встали и поклонились, а какой-то патлатый боярин даже бросился на колени, и государь походя отпихнул его сапогом.

Высокий, чуть сутуловатый, с красивым, несколько вытянутым лицом и горящим взором, Иван Грозный внешне производил впечатление вполне вменяемого человека, на кровожадного тирана ничуть не похожего. Разве что немного устало выглядел, бледновато. Да и в глазах – этакие желтоватые склеры.

Леонид сидел рядом с царем, по левую руку, как брат! С чего б такой почет неизвестному королевичу? Небось, задумал царь-батюшка устроить какой-нибудь династический брак. Какую-нибудь княжну за Магнуса выдать, что ли... Если симпатичная, то...

Уже после третьего тоста Арцыбашев почувствовал, что захмелел, хоть и пили-то не водку, а что-то медовое, градусов под тридцать – слабенькое. Правда, щедро мешали с импортным вином – мальвазеей с романеею. Да и не стопочки были – кубки! Пару таких опростать – под стол можно свалиться запросто. Некоторые так и делали, чем сильно потешали царя, время от времени возвращавшегося к беседе с королевичем посредством маячившего за спиной переводчика-толмача.

– А вот скажи, королевич, в ваших странах, небось, такого богатства нет? – усмехаясь, Иван Васильевич кивнул на ломившийся от разнообразных яств стол. – А?

– Щучьих голов с чесноком точно нет, – хмыкнул Лёня. – Зато икры баклажанной заморской – хоть отбавляй. И рыба...

– Ну, рыбы-то я тебе с собой дам. Две телеги, – государь окинул не в меру разгальевшихся сотрапезников строгим взглядом и, подняв золотой кубок, провозгласил тост «за русскую Ливонию и ее славного короля»!

Все выпили весьма охотно... попробовали бы с неохотою, ага!

– Небось, говорят в немецких странах, мол, тиран я, – закусив куском пирога, продолжил беседу Иван. – Врут! Ты, Магнус, им не верь... Скажешь, Новгород? И что? Там предательство одно, крамола, с давних пор на Литву смотрят да о вольностях прежних мечтают. А не будет им вольностей. Я сказал!

Царь грохнул кубком по столу с такой силой, что подпрыгнули все стоявшие рядом блюда.

– О Старицких – тоже мое дело. Отравить меня удумали... слышь, Магнус – жену мою, Марию Темрюковну, отравили! Так что же мне с ними – любезничать? Лизавета, вон, аглицкая, письма шлет, мол, не слишком ли палку перегибаю. А сама во всем торговых мужиков слушает для-ради прибытков их гнусных. Тако рази государыня? Мхх... Ох, Магнус, душа моя! Я уж, конечно, грозный, но для кого? Для врагов своих, для предателей, для отравителей гнусных. А для друзей... ничего мне для друзей не жалко! Евфимию, племянницу мою, за тебя отдам. Прямо сегодня же и отдам, не думай. И войско дам – воюй за свою корону. Токмо меня, прошу, не обманывай.

Все сказанное царем за обеденным столом вовсе не было пьяным бредом, и вскоре «королевич» уже стоял под сенью Успенского собора близ моленного места самого царя Ивана и любовался великолепными фресками, время от времени украдкой бросая взгляд на стоявшую чуть позади невесту. Точнее, не невесту... как называется, когда помолвлены-то? А черт его знает. Тут совсем ничего не понять, даже не разобрать – красивая ли невеста или так себе.

Шуба, парча, белила толстым слоем – личико-то у девы наштукатурено будьте-нате! Еще и щеки намалеваны красным, и губы. Этакая вот мода.

Помолвились быстро. Сам митрополит махал кадилом. Потом еще Магнус-Арцыбашев вассальную клятву царю принес... а затем... Затем на его голову торжественно водрузили корону! Небольшую, но самую настоящую – золотую, усыпанную драгоценными камнями. Водрузили и тут же принялись чествовать:

- Слава ливонскому королю!
 - Властителю Ливонии слава!
 - Царю православному Иоанну Васильевичу – ур-рараа!!!
- Прямо в церкви и кричали, ничуть не смущаясь.

Устал за этот день Леонид, как собака! Вернувшись в хоромы, повалился на ложе, чуть ли не замертво. Петер, слуга, тут же кинулся к своему господину, проворно стянул сапоги.

– Слышь, Петька, – пьяно пробормотал Арцыбашев. – Ты это... ты, если кого увидишь... ну, тоже немца... так меня немедля буди.

* * *

Второй день пребывания путешественника во времени при дворе Ивана Грозного выдался столь же напряженным, как и первый, правда, не таким взбалмошным. Пир был только вечером, остальное же время...

С утра самого в покои королевича – или теперь уж короля? – зашел «канцлер Стчелкалов», или, говоря по-русски, Андрей Яковлевич Щелкалов, глава Разрядного приказа и думный дьяк. Кстати, родной брат его, Василий, как Леонид узнал от того же Петера, возглавлял Разбойный приказ, главную сыскную контору по уголовным делам.

Андрей Яковлевич в покоях не разговаривал, пригласил его величество короля Арцымагнуса Крестьяновича в собственный кабинет, располагавшийся здесь же, в Кремле, в так называемой Посольской избе – хороминах преизрядных! Беседа вышла чисто деловой и вполне конкретной. В обмен на вассальную клятву царь давал новоявленному королю не только племянницу, но и деньги, и, самое главное, войско. И даже жаловал несколько небольших прибалтийских городков, уже захваченных русскими войсками во время делящейся Ливонской войны.

– А возьмешь Ревель – он тебе и будет, – через толмача тыкал дьяк.

Толмач, впрочем, переводил как надо – вежливо.

– Столицей своей сделаешь. Ревель – это тебе не твой Эзель-остров, город богатый... Да что я тебе говорю!

– Понятно, понятно, – как смог, подыграл Леонид. – Насущные потребности государства российского требуют выхода к балтийским портам, к морю! Дабы торговлю заморскую развивать и...

«Канцлер» неожиданно расхохотался. Весело, почти что взалхлеб. А похихотав, шутливо погрозил пальцем:

– Наш государь, Иоанн Василевич, не какая-нибудь там пошлая аглицкая девка! Не со вчерашнего дня государь. И до подлых мужиков торговых, до прибытков их, несть ему никакого дела, ты про то, Магнус, и думать не моги.

– Зачем же тогда война?

– Из чести! Отчины дедовы отвоевать, дабы неразумных людишек ливонских опекал отчески. Твое-то королевство нам как раз в подмогу выйдет.

Вот оказывается, за что война-то – «из чести»! А в учебниках-то вдальблывали – «выход к Балтийскому морю».

– К морю у нас и до войны выход был, – цинично прищурился дьяк. – Ивангород. Да и Нева-река, чай, наша. А посейчас – и Нарва. Да! Есть у нас один человечек морской, земляк твой, из датских немцев. Зовут Карстен. Карстен Роде. Кораблишки у него, людишки, пушчонки. Много зла уж он свеям да литовцам содеял, и тебе помогать будет. Если еще жив. Ну, вот... почитай, сладились. Вот тут подпиши...

Глянув на пододвинутую собеседником грамоту, Арцыбашев едва удержался от смеха. Ну, надо же – все как в том фильме. И как подписывать? И. о. короля?

Подумав, подписался: «Магнус». Дьяк улыбнулся, печать приложил.

– Я б хотел Кремль осмотреть, – хитро сменил тему Лёня. – И Москву. Чтоб никто мне не мешал в этом.

– Посмотришь, – Щелкалов, убрав печать в стол, покивал. – Только помни, ваше величество – времени у тебя немного осталось. Скоро на Ревель поход, и ты там главным будешь.

Леонид лишь хмыкнул – надеялся, что до этого уж никак не дойдет. Ишь ты, Ревель – Таллин, значит – взять. А Америку для Ивана Васильевича завоевать не надобно?

* * *

В осмотре Москвы «короля Ливонии» сопровождали все те же неразговорчивые опричники и собственный слуга Петер. В роли гида подвизался «молодший дьяк Федор» – расторопный и кривой на один глаза парень, присланный из Посольского приказа Щелкаловым.

В московские, шестнадцатого века, красоты Арцыбашев особо не всматривался, честно говоря, дел до них не было никаких. Просто еще раз убедился – никакая это не реконструкция, самая что ни на есть настоящая эпоха Ивана Грозного, без дураков! Столько изб, столько хором боярских на старинный манер настроить – никакому олигарху не под силу, даже Абрамовичу или Прохорову. Еще и массовку в соответствующие одежды одеть...

На Красной площади блестел недавно выстроенный храм. Тот самый, известный всем пряничный собор Василия Блаженного, возведенный в честь взятия Казани. На паперти, перед собором, стегали кнутом привязанную к врытому в землю столбу бабу. Довольно молодую, но ничуть не сексуальную, со складками на боках и бессильно обвислой грудью. Ну да, в те времена бабы лет с тринадцати рожали, этой на вид тридцатник, значит, как минимум десять родов – с чего ей красивой да стройной-то быть?

Палач – молодой, с черной бородой парень – старался: плетъ брызгала кровью, несчастная женщина вопила и извивалась. Собравшиеся вокруг зеваки посмеивались и плевались, стараясь попасть слюной в наказуемую, по возможности не задев палача. Не всегда получалось, впрочем, увлеченный своим делом экзекутор не обращал на это никакого внимания. Невдалеке, в десятке шагов, на аккуратно вкопанных кольях торчали полусгнившие человеческие головы с выклеванными птицами глазами.

Средневековый антураж, что уж. И все же, проезжая мимо в роскошном открытом возке, Леонид поспешно отвернулся. Выбраться бы отсюда скорей!

– В Кремль заворачивайте. Хочу Кремль посмотреть.

Увы, в Кремле от навязчивых провожатых тоже не удалось оторваться. Опричники не отставали от «королевича» ни на шаг, а прогнать их Арцыбашев все-таки не решался. Ладно. Поглядим ближе к вечеру... Или даже ночью.

– Вы Андрею Яковлевичу передайте, я и ночью могу пройтись, погулять.

– То можно! Токмо близко к воротам, ваше-ство, не подходи. Стража ночью слепа – пришибить могут.

– А мне и не надо к воротам, ага.

Леонид едва дождался ночи! На вечернем пиру и кусок в горло не лез, да и пить «ливо-нец» старался поменьше, сославшись на головную боль. Государь на этот раз оказался неразговорчивым, хмурым, да и вообще как-то быстро ушел, а следом разошлись и бояре.

Вот только от Петра не удалось избавиться. Узнав о том, что хозяин собирался отправиться на вечернюю прогулку один, мальчишка упал на колени и горько заплакал. Натурально! Всерьез.

– А ну как вы заплутаете, майн герр? Или случится чего? Где, скажут, слуга верный был! С меня ж тут с живого кожу сдерут... или на кол посадят!

Пришлось взять парня с собой. Да и ладно – пара лишних глаз не помешает. В случае чего на стреме постоять сможет.

К Тайничким воротам король и его юный слуга не подходили. Не доходя до них, свернули налево, в кусты. Ночь выдалась теплая, звездная. Яркий свет луны позволил Арцыбашеву быстро отыскать нужный амбар... на воротах которого, увы, висел устрашающих размеров замок.

– Опять вы в винный погреб, майн герр, – за спиной тихонько вздохнул Петер. – Тогда б уж спросили ключ. Ключник здешний, конечно, старик вредный... но от местной серебряной монетки не откажется.

– Ключник, говоришь... – пощипав бородку, Леонид задумчиво посмотрел на луну. – А если без ключника? Ничего нельзя сделать?

– Можно попробовать просто вытащить замковые петли, майн герр, – с готовностью предложил слуга. – А потом аккуратно поставить на место. Мы в Ревеле как-то такое проделывали...

– Ну, надо же, – подходя вплотную к амбару, хмыкнул «король». – Проделывали они... Ты сколько уже у меня служишь, друг мой?

Мальчишка горделиво расправил плечи:

– Уже целых полгода, майн герр! С тех пор, как вы изволили спасти меня от виселицы за... гм-гм... облыжно приписываемую мне кражу.

Последнюю часть фразы Арцыбашев так и не перевел – некогда было. Потрогал замок, потянул... Петли вместе с замком и пробойником поддались настолько легко, что освободившийся засов тут же рухнул наземь, чуть ли не на ногу «высочайшей особе». Молодой человек едва успел отпрыгнуть в сторону.

Слуга поднял пробойник, понюхал, а затем и лизнул...

– Однако конопляным маслом смазаны, майн герр! – доложил он свистящим шепотом. – Видать, и без вас есть любители попить вина бесплатно. Самого государя не боятся, дьяволы. Вот и считай после этого, что там, где боятся – там порядок. А вот ничего подобного!

– Я смотрю, ты философ.

Оба зашли внутрь, точнее сказать протиснулись – отрывать двери амбара нараспашку Арцыбашев не рисковал. Хотя он и король, а все равно как-то стремно. Внутри оказалось темно, хоть глаз выколи. Велев Петеру дожидаться у входа, Леонид включил прихваченный с собою фонарик – тот еще, из восьмидесят первого года – и медленно прошелся меж бочками, ища хоть какой-нибудь подкоп или провал. Ну, как-то же он здесь очутился, пролез... Увы, все оказалось засыпано. А может, плохо смотрел. Или просто...

– Кто-то идет, господин, – подбежав, хрипло доложил Петер. – Я слышал шаги...

В этот момент дверь отворилась, и призрачный луч серебристого лунного света озарил внутренности погреба. Господин и слуга, не сговариваясь, нырнули за бочки, где и затаились, каждую секунду ожидая окрика.

Однако никто почему-то не кричал, не поднимал тревогу. И видно было, как проскользнула в амбар чья-то шустрая тень. Скользнула и аккуратно потянула за собою ворота.

«Местные алкоголики отжигают», – усмехнулся про себя король. И оторванный замок их почему-то ничуть не смутил. Наверное, тут такое частенько творилось.

– Козьма! – в темноте негромко прозвучал голос. С небольшой хрипотцой, но тоненький. Девичий или детский. – Козьма, ты здесь?

Неведомый Козьма не откликнулся по вполне понятным причинам – его здесь и не было. Арцыбашев и Петер, ясное дело, тоже молчали, гадая – кого это сюда еще принесло за халявным вином да медовухой? Неужто в царстве московском все с юных лет алкоголики.

– Верно ушел... – тихо и, как показалось Леониду, с явным облегчением, промолвили в темноте. – Ужрался, псинище, даже замок не навесил. Ужо завтрева попеняю.

Послышались какое-то звуки, будто кто-то колотил камнем об железо... Так ведь и коло-тил!

«Огниво!» – глядя на вспыхнувшую свечу, догадался «его величество».

Закутанная в длинный плащ фигура – явно мальчишеская, детская – поставив горящую свечку наземь, наклонилась за бочки, достала оттуда какие-то предметы, в полутьме похожие на мячики... или, скорей, на бильярдные шары, только раз в пять больше. Аккуратно их разложила, расставила... Потом еще что-то вытащила... упала на колени! Забормотала злым, срывающимся в стоны, шепотом, раскачиваясь из стороны в сторону, словно читала молитвы:

– Макошь, мать-сыра земля!!! Благослови, мати! И ты, мати Лада, и ты, Хоре пресветлый, и Перун бо, и Сварожичи... – с удивлением услышал Арцыбашев.

Молитвы-то были языческие! Перун, Макошь, Хоре – это все языческие древнеславянские божества. Самые главные. А по российской терминологии шестнадцатого века – бесы! И зачем это пацан их вызывал? Тем более так истово...

– Смерть душегубцу кровожадному, смерть! Пусть горит в геенне вечной. За смерть батюшки мово, матушки... за всех. Смерть царю препоганому, смерть!

Ох, ничего себе! Не за Ивана ли Васильевича столь искренне молятся? Только огнюдь не во здравие, а на смерть! Однако-о-о-о...

– Кровью человечьей заклинаю тебя, Макошь-мать, и ты, Перун, не побрезгуй. Знай... Резко распахнулись двери.

– А ну-ка, кто тут?

Фигурка юркнула, затаилась.

– А ну, Ермолай, ташшы-ко факел... Шас поглядим...

– Не надо факела, – отряхиваясь, поднялся из-за бочки Лёня. – То я, король ливонский со слугой. Выпить захотелось... и вот...

Проходя мимо упавшей свечки, молодой человек скосил глаза на шары и вздрогнул. Не шары то были – черепа. Не очень большие. Детские.

– Дак ты б, Арцымагнус Крестьянович, просто б слугу послал... – здоровенный парняга в длинном красном кафтане с позументами – не иначе стрелец – даже в призрачном лунном свете выглядел явно смущенным. Видать, не того поймал.

– Посылал, да не дождался, – зевнув, Леонид махнул рукой. – Пришлось самому следом идти. Ничего, засовчик слуга мой обратно на место поставит. Эй, Петер...

Ворота амбара открывались наружу, так что специально промасленный пробой можно было запросто выбить изнутри даже ребенку. Тем более не такой уж там, внутри, был и ребенок. Ростом с Петера, верно и по возрасту такой же.

Ишь ты, что умыслил! Наговоры на царя-батюшку класть. Впрочем, вмешиваться в здешние дела Арцыбашев вовсе не собирался.

Проводив «королевича» до самых хором, стрелец простился вполне почтительно, даже пожелал спокойной ночи. Но «по команде», гад, доложил! И утром Леониду – королю!!! – пришлось оправдываться перед Щелкаловым. Впрочем, не столько оправдываться, сколько нагло просить выпивки. Каковая, впрочем, и была обещана.

Глава Разрядного приказа не обманул. Бочонок медовухи и серебряный кувшин с мальвазеею дворцовые служки доставили уже к полдню. К выпивке прилагалась закуска – сладкие коврижки, орехи и коржики.

Арцыбашев, как раз собиравшийся к царю на вечернюю трапезу, ко всему этому отнесся с прохладцей. Почти целый день молодой человек пребывал в глубокой задумчивости, размышляя, правильно ли он поступил, выручив из беды неизвестного мальчишку. Ежели б того накрыли с черепами – бедолаге явно не поздоровилось бы! Как и самому Леониду в подобной компании. Вином бы тогда не оправдался, вряд ли. А так... вроде все гладко прошло.

Кто ж такой тот мальчишка, что делал наговоры на самого царя? Откуда взялся он здесь, в Кремле, у самого царского трона? Наверное, сын одной из многочисленных жертв грозного тирана. Хм... если так, тогда почему не казнен вместе с родителями? На худой конец – не сослан? Шляется по Кремлю с черепами, по ночам по подвалам шастает... По подвалам! А этот парень явно должен бы знать... ну, хотя бы вот тот амбар, через который Арцыбашев попал в эту жуткую эпоху. Эх, отыскать бы мальчика... Только вот как бы?

С той самой ночи все подвалы да амбары в Кремле позакрывали на замки, а к некоторым еще и приставили стражей. К «тому» амбару – тоже. Здоровенный такой парняга стоял, в черном опричном кафтане, с бердышом, при сабле. Не пройдешь, не проникнешь... вот незадача-то.

Весь день Леонид так и промаялся в пустых раздумьях. Исподволь расспрашивал собственного слугу да все пытался вспомнить, что же он знал о принце Магнусе. А мало чего знал! Датчанин. Младший брат нынешнего датского короля Фредерика. Судя по одному слуге – явно не богат, скорее беден, если по королевским меркам брать.

Моргая светло-серыми глазами, юный слуга Петер на расспросе показал, что король Фредерик лет десять назад купил у Эзельского епископа Иозана фон Мюнхгаузена весь его остров, да и не только остров – все епископство. Остров Эзель – Сааремаа, Пильтен, еще несколько замков и – с каких-то хренов – право на Ригу и Ревель.

– Это ж откуда у эзельского епископа такие права-то? – изумился молодой человек. – Надо же – Рига!

Петер пожал плечами:

– Не знаю, откуда права, а только и они проданы были. За тридцать тысяч талеров, так как-то. Только ратманы Ревеля и Риги с теми правами не согласились.

– Понятно! – хохотнул Леонид. – Что они, дураки, соглашаться? А Пильтен – это что?

– Епархия, майи герр, – слуга удивленно моргнул. – Пильтен, Донедаген, Эрвален и все такое прочее. Если и есть в мире какая-то жуткая дыра – то это именно там. Да что вы, ваше величество, забыли, как в тамошней грязище застряли?

Новоявленный король Ливонии рассеянно махнул рукой и задумался. Как-то ему здесь вдруг показалось неуютно – парень тот, со стрелой в груди, некстати вдруг вспомнился. Дьяк еще этот, Андрей Щелкалов – в Ливонию грозитя отправить. Хотя не он грозитя – самого царя воля! Ишь ты, войско дает. Так, собственно говоря, принц Магнус в Москву за тем и приехал. За войском русским да за ливонской короною... жаловать коей Иван Васильевич, при всем к нему уважении, уж никаких прав не имел. Впрочем, в Ливонии сейчас такое творилось, что сам черт ногу сломит. Немцы, шведы. Поляки, русские... Датчане, вот. Хотя Дания-то уж слишком в ливонские дела не лезла. Хватало всяких прочих шведов.

Не-ет, в Ливонию никак нельзя! Ухайдакают еще шальной стрелой или пулей... Или с лошади упадешь да свернешь себе шею – запросто. К тому же выход-то в родную эпоху – здесь, в Кремле. А не в Ревеле, не в Риге, не на Сааремаа.

Черт, черт, черт! Как бы от этого похода-то откосить? Может, больным сказаться?

Ничего придумать Арцыбашев пока не успел – не дали. Снова явился дьяк Андрей Яковлевич, канцлер, приставленный к знатному иностранцу, надо думать, самим царем. Явился, поклонился и, шелкнув пальцами, пригласил «господина короля» на «служилых людей ристалище», сиречь на военный смотр.

Отказываться было как-то неудобно, пришлось собраться, пойти... Единственное, что все же сделал «принц» – это заявил, что чувствует себя как-то не очень – мутит после вчерашней пьянки, потому верхом... ни-ни!

– Ничо, – ухмыльнулся дьяк. – Лошадь тебе смирененькую подберем. А по пути заедем – рассолу попьем.

– А далеко ехать-то?

– Да рядом, на площади Красной.

– Так не лучше ль пешком?

От таких слов Щелкалов изменился в лице и даже закашлялся, пояснив, что это, мол, в разных нищих полных странах (европейских, ага) владетельное лицо может пешком ходить, как последний шпынь ненадобный, а в русском царстве не так. Тут даже захудалые дети боярские со двора на двор пешком не пойдут, потому как – чести урон.

– Так что ты, королевич, все эти ливонские замашки брось! И к обычаям нашим привыкай потихоньку.

Слава богу, конек – или кобыла, в таких тонкостях Арцыбашев совершенно не разбирался – оказался смирным. Взгромоздившись в седло, хитрый «королевич» сразу же отдал поводья слуге – веди, мол – и, поправив щедро украшенную жемчугом шапку (тоже царский подарок, как и усыпанная драгоценными камнями сабля), с любопытством поглядывал по сторонам.

В разноцветных куполах собора Василия Блаженного радостно играло солнце. Все так же уныло – но уже и привычно – торчали на воткнутих в землю копьях отрубленные головы царских врагов. У самых соборных врат гарцевали на вороных конях молодцы в черных кафтанах – опричники. Никакой особой звероватости в их облике «ливонский принц» не заметил, привешенных к седлам метелок и отрубленных собачьих голов тоже не имелось (вот ведь, выдумают же историки всякую чушь, мать их за ногу!). Да и вообще, опричников было мало – человек пять.

Рядом, на паперти, растянулось стройными рядами войско – конное и пешее. Стрельцы, надо думать. Всадники особого впечатления на Арцыбашева не произвели: какие-то занюханые, в допотопных стеганых кафтанчиках-тегилеях, с саадаками (лук и стрелы) через плечо. Лук и стрелы... Для конца шестнадцатого века – вчерашний день, татарщина какая-то.

А вот стрельцы смотрелись куда как солиднее! Настоящие гренадеры! Молодец к молодцу. В одинаковых красных кафтанах, при бердышах и саблях, с устрашающих размеров ружьями – пищалями – на плечах. Насколько Леонид помнил, замки у пищалей должны быть фитильные. Хотя в это время уже появились и более совершенные – колесцовые и ударно-кремневые, однако фитильные были значительно дешевле, потому и использовались довольно долго в массовых армиях, в пехоте.

Завидев важных гостей, из среды всадников отделился чернобородый мужчина в роскошном доспехе-колонтаре с золоченым зеркалом и в сверкающем на солнце шишаке – каске с назатыльником, козырьком с опускающейся стрелкой и наушами. На круп мощного гнедого коня красивыми складками ниспадал плащ темно-красного цвета. К седлу был привешен шестопер, к поясу всадника – богато украшенная сабля.

– Князь Юрий Токмаков, воевода, – негромко пояснил дьяк. – Коли государь его с тобой пошлет – зело добре! Князь – воевода справный.

На вид «справный воевода», несмотря на всю свою солидность и бороду, оказался ровесником Леонида. Воин держал себя спокойно и даже как-то буднично. Придерживая саблю, спешился, поклонился с достоинством и, обращаясь к дьяку, спросил:

– Велишь начинать, Ондрей Яковлевич?

– Начинайте, – сухо отозвался Щелкалов. – Ты, князь, можешь королевичу прямо, все что хошь, говорить. Он уже и без толмача почти все понимает. Выучил!

– О как! – в светлых, слегка навывкате, глазах воеводы проскользнуло что-то похожее на уважение. – Ну, поглядим... Что ж, двинули.

– Так я вас оставляю, – усмехнулся дьяк. – А вон и толмачи, господин король. Знакомцы твои, Таубе и Крузе.

Щелкалов кивнул на двух парней в черных опричных кафтанах и на вороных конях, быстренько подскочивших к знатному гостю.

Поклонясь, парни, перебивая друг друга, быстро затараторили по-немецки. Лица их почему-то показались Арцыбашеву весьма пройдошистыми, похожими на те, что обычно показывают по российскому телевидению в разного рода «говорливых» передачах. Доверять таким особо не следовало. Не очень вслушиваясь в их речь, «королевич» махнул рукой.

Взметнулись к небу золоченые стяги с изображением святых. Дернулись, взлетели на дыбы взявшие с места в карьер кони. Поднимая тучи пыли, конная рать мчалась вперед. За ней со всею солидностью тронулась пехота – стрельцы. Леонид невольно улыбнулся – вся картина была точно такой, как показано в гайдаевском фильме, разве что песню про Марусю стрельцы не горланили, шагали молча. Шестнадцатый век, черт! Леонид приосанился. И все это войско – его! И всадники, и стрельцы, и вот эти пушки. Силища-то какая, Господи. И сам он – заправдашний король! Пусть даже и не совсем легитимный. Свое королевство имеет. В Прибалтике! Может быть, даже с Ригой и Таллином! Да уж, это не джинсами в восемьдесят первом году спекулировать.

Не джинсы, да... Гораздо, гораздо опаснее! Убить могут. Или царь на что-нибудь осерчает – и голова с плеч. Или какой-нибудь заговор – верные слуги яду в вино подсыпят. Тот же Петер и...

Неприязненно покосившись на мальчишку, все так же ведущего коня под уздцы, Арцыбашев помотал головой, словно силясь отогнать лезущие в нее неприятные мысли. В конце концов, в данный конкретный момент ничего такого страшного «королевичу» не грозило. Наоборот, интересно было. Весьма.

Войско во главе с королем и воеводою шло по московским улицам с барабанным боем и дудками. На деревьях сидели любопытные ребятишки. Жались к заборам взрослые, в основном мужики да парни, женщин в то время держали в теремах... откуда они и выглядывали.

Все что-то радостно орали, размахивали руками и бросали вверх шапки. Князь Юрий – а следом за ним и «король» – милостиво кивали толпе. Немцы – Таубе и Крузе – вежливо держались чуть позади королевской свиты. Да-да, теперь уже имелась у Лёни и свита – представленные Щелкаловым неразговорчивые парни в сверкающих пластинчато-кольчатых бронях-бахтерцах.

Тянувшиеся по сторонам высокие заборы, за которыми виднелись добротные хоромины с теремами, постепенно сменились убогими избушками с покосившимися плетнями и крытыми соломой крышами. Тут уже никто шапок не бросал, разве что совсем уж малые дети испуганно тарасили глазенки. Взрослые были в полях, понятно.

Выйдя на раздольный заливной луг, войско рассыпалось цепью и замерло. Воевода и король спешились, сошла с коней и свита, и немцы – те, правда, держались поодаль и глаза королевичу не мозолили.

– Вот, господине король, мишени, – воевода указал рукой на березовую рощицу. – Стрельцы отсель, от малинника, бить будут. А лучники – оттуль.

Арцыбашев понимающе покивал. Ежу понятно – пищали-то с дальней дистанции лупить будут.

Запела труба. Вновь взметнулись стяги. Ринулись, поскакали вдоль реки всадники в тегилях, на полном скаку пуская стрелы. И надо сказать – весьма метко! Из двух десятков крашенных щитов, выставленных на лесной опушке, процентов девяносто были поражены точно по центру.

– Молодцы! – одобрительно кивнул Леонид. Вообще это зрелище его забавляло.

– Молодцы, – воевода прищурил глаза. – Одначе, в бою от такой меткости толку немного. Хорошо, если удачно стрела попадет, а так... не-ет, доспех немецкий не прошибет, и думать нечего. Супротив татар токмо. А ну-тко, пищальников поглядим... Эти-то у нас добрые пищали, тяжелые – с мушкетами вашими схожи. А ну...

Красный сигнальный флажок – еловец – поднявшись на длинном копье в небо, затрепетал на ветру.

– Заря-жай! – подойдя к стрельцам, распорядился князь Юрий.

Воткнув в землю бердыши, стрельцы разом положили на них свои тяжелые ружья с тлеющими фитилями...

Арцыбашев с самым искренним любопытством глазел на ближайшего воина. Вот тот положил пищаль стволом на поставку – бердыш, и, аккуратно придерживая оружие левой рукой, правой ловко сорвал с берендейки мерку с зарядом пороха. Пропихнул шомполом в ствол, затем туда же отправил пулю и пыж да сверху прибил заряд все тем же шомполом, после чего – опять же, с непостижимой ловкостью – насыпал на ружейную полку затравочный порох из серебристой пороховницы-натрусницы, закрыл полку специальной крышкой, надув щеки, дунул – сдул лишний порох, вставил тлеющий фитиль в курок – так, чтоб его кончик мог коснуться пороха на затравочной полке... Ну, все. Теперь и стрелять можно!

– Огонь! – махнул рукой воевода.

Все пищали жажнули разом, подняв такой грохот, что Лёня чуть не оглох. Конечно, о прицельной стрельбе в те времена речи не шло, пищаль не винтовка, но... Все мишени оказались измочалены в щепки! Мало того, и березовая рощица поредела вдвое – срубленные тяжелыми пулями деревца с треском повалились наземь.

– Вот это мощь! – икоса глянув на королевича, князь горделиво расправил плечи. – Не хуже ваших мушкетов.

– Не хуже, – согласно покивал Леонид. – Этак и Ревель к осени возьмем, а?

Воевода улыбнулся:

– Возьмем, господине! Возьмем.

Войско возвратилось в Москву лишь ближе к вечеру. Царя в Кремле не было – уехал в Александровскую слободу молиться – и на обед ливонского короля пригласила будущая невеста – княжна Евфимия Старицкая. Как скупое пояснил дьяк Андрей Яковлевич, устраивал-то пир конюший боярин Борис Годунов, а княжна уж была при нем – присматривал по указанию государя за сиротинушкой. То есть опять же, присматривал не сам Борис, а его тесть, всеми уважаемый на Москве человек – Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта. Тот самый. Палач царский... Который едва ль младенцев живьем не жрал! Вот уж с кем с кем, а с этим-то типом Арцыбашеву знакомиться никак не хотелось... и слава богу, того в столице не было, то ли в Александровской слободе ошивался, стервец, выискивая крамолу, то ли воевал где-то в Ливонии во исполнение воли государя.

– Герцог Вольдемар Старицкий, насколько я знаю, год назад был казнен по приказу кесаря по обвинению в заговоре, – охотно пояснил Петер, собиравший по Кремлю все сплетни. –

Говорят, он подбил царского повара отравить государя, о чем стало тот час же известно двум важным вельможам – Василию Грязному и Григорию Скуратову. Повар во всем сознался под пыткой, а герцог Старицкий, как я уже сказал, был казнен. С супругой и старшей дочерью. Самому герцогу дали яд, о женщинах же все говорят разное. Здесь, при дворе, мой государь, есть один немец, опричник. Зовут его Генрих, Генрих Штаден, так вот он как-то вскользя говорил, будто герцогиню и дочь ее велели раздеть донага и расстреляли из аркебуз! А кто-то говорит, будто не из аркебуз, а из луков. Иные же полагают, что не расстреляли, а...

– Ну, ладно, ладно, хватит, – поморщившись, Леонид перебил не в меру словоохотливого слугу.

О князе Владимире Старицком он и сам знал кое-что. Как и то, что вина его состояла лишь в том, что он являлся возможным кандидатом на престол... Как теперь и он сам, королевич! Ведь, ежели женится на княжне Евфимии Старицкой, то тогда по всем законам феодального права... Эх! Не срубили бы голову... Вот о чем думать надо, а не о короне российской!

– После смерти герцога остались две дочери, майи герр, – продолжал Петер. – Старшая – Евфимия, с которой мы... то есть вы... сегодня обедаем, и младшая, Мария, ей сейчас лет десять или пятнадцать, или что-то около того. Говорят, весьма разбитная и вольных нравов девица. Ведет себя как мальчик – из лука белок бьет, по деревьям лазает, в бояр камнями кидается. Ей все разрешают – сирота. И по женской линии ближайшая родственница государя. Как и старшая ее сестра, герцогиня Евфимия.

– Ну, надеюсь, моя невеста Евфимия все же не такая оторва, – Арцыбашев хмыкнул в рукав. – А впрочем, нынче вечером поглядим. Да! Петер, мальчик мой, ты за амбаром-то посматриваешь?

– Посматриваю, майи герр. Все по-прежнему – два новых замка и стражник.

– Это плохо, – кисло улыбнулся Леонид. – Ты разузнай-ка, нет ли к тому амбару каких ходов подземных.

Хоромы конюшего боярина – между прочим, будущего царя! – Бориса Годунова, в отличие от обиталищ многих московских бояр, вовсе не показались Арцыбашеву какими-то вычурными или особо богатыми. Вернее, богатство-то, конечно, имелось – только умный вельможа не выставлял его напоказ. Несколько соединенных крытыми переходами просторных горниц на высоких срубных клетях, да, как полагается, терема. Ну, конечно, высокий забор, псы цепные. На просторном, с дивным яблоневым садом, дворе вольготно располагались избы поменьше – для дворовых крестьян – и многочисленные хозяйственные постройки – хлевы, конюшни, птичники, сараи с амбарами.

Горница, насколько помнил Арцыбашев, всегда рубилась-строилась на срубе-подклети, в горнице имелась печь, обычно покрытая изразцами и служившая не для приготовления пищи, а исключительно для тепла. Самая высокая постройка в хороме – хозяйская крепость, этакий деревянный донжон! – называлась повалушей, от повалов – выпусков бревен верхнего этажа. Иногда еще повалушу именовали светлицей. Двух- и трехэтажные срубы соединялись меж собой сенями – пожалуй, самыми светлыми помещениями в хороме, с большими слюдяными – или даже стеклянными! – окнами, безо всяких печей. Как раз в сенях-то летом и устраивались пиры. Вот как сейчас.

Хозяин, конюший боярин и царский спальник Борис Годунов – красивый осанистый мужчина с темной бородой и приветливым взглядом – одетый в парчовый – больно глазам! – кафтан и накинутую поверх него шелковую светло-голубую ферязь с длинными, откинутыми назад рукавами, лично встречал именитого гостя. Правда, не во дворе, у ворот – так царя только встречают! – а на крыльце, но и с того ливонскому королевичу было много чести, о чем поспешно растолковал толмач – один их тех пройдошистых немцев, Краузе.

Рядом с боярином стояла его молодая супруга, дочь кровавого палача Малюты. Милое девичье лицо, волосы по обычаю спрятаны под щедро усыпанным жемчугами убрусом. Наверное, красивая – сейчас, под слоем белил да румян, не определишь.

Щурясь от солнца, королевич поднялся на крыльцо, расцеловался с хозяином и хозяйкой.

– Прошу, прошу, дорогой гостюшка, – Годунов добродушно указал рукой на сени. – Ужо пообедаем. Что Господь послал – то и есть...

Господь послал боярину немало. От обилия драгоценной посуды и пищи у Арцыбашева разбегались глаза. Единственное, что он для себя отметил – был огромный осетр, жаренный с яблоками и приправами. Ну, и конечно, вино, и даже водка – золотую чарку гостю понесли сразу.

– Ах, хороша, – забывшись, по-русски прокомментировал Лёня. – Сразу видно – не паленая какая-нибудь. Ключница водку делала?

– Она, – Годунов улыбнулся гостю, словно лучшему другу. – А Щелкалов, Андрей Яковлевич, думный государев дьяк, однако же не солгал. Ты, Арцымагнус Крестьянович, зело нашу речь ведаешь. И когда только успел?

– У себя еще выучил, дома, – поспешно оправдался фальшивый ливонец. – В Таллине... тьфу... на Сааремаа... в Ливонии, в общем.

– Молодец, – Борис одобрительно улыбнулся и усадил гостя по правую от себя руку. – А тут вот, рядом, посейчас и суженая твоя сядет, Евфимия Владимировна.

Какая-то еле уловимая гримаса вдруг исказила на миг холеное лицо царедворца. Что думал он в этот момент? Виделся ли ему казненный по обычному доносу князь? Или расстреливаемые опричниками женщины? Бог весть. Может, и виделось. А может, и нет. Судя по дальнейшей феерической карьере, нервы у Бориса Федоровича были очень даже крепкие.

Княжна задержалась недолго. Вошла, точнее сказать вплыла павой, поклонилась в пояс. Сначала – боярину, потом – будущему мужу. Села, царственным жестом поправив спадающую с убруса прозрачную вуаль.

Арцыбашев с любопытством скосил глаза, силясь рассмотреть то, чего не увидел в церкви. А девчонка-то красивая! Очень. Худощавое, слегка вытянутое лицо, карие глаза с поволокою, густые ресницы, сурьменные брови. Даже белила с румянами, по обычаю наложенные весьма щедро, не смазывали то благоприятное впечатление, которое красавица произвела на важного гостя.

Годунов поспешно произнес здравицу в честь царя-батюшки. Все выпили стоя по довольно большой чаше. На этот раз не водки, а очень даже приличного вина, тоже весьма хмельного. Выпив, уселись закусывать. Леонид потянулся к пирогам, к пахучей ухе, рыбьему холодцу, осетринке...

– Пост-от ныне, пятница, – зачем-то извинялся боярин. – Потому уж не обессудь – бело-рыбца...

Запивая, королевич только диву давался. Если у них в пост так едят, то что же в скоромное время делается? Одно сплошное обжорство. Впрочем, Годунов не кто-нибудь, а приближенный вельможа царя!

После третьего тоста хозяин принялся расспрашивать про Ливонию, про датского короля Фредерика, вообще про европейскую жизнь. Боярыня Марья Григорьевна тоже слушала с неподдельным интересом, а уж Арцыбашев, после пятого-то кубка, плел, что только не лезло на язык!

– В Копенгагене, врать не стану, я только проездом был. Вернее, пролетом – в аэропорту. Аэропорт там огромный, и, главное, кругом, кругом все – вполне себе заблудиться можно. А вот Стокгольм... Стокгольм иное дело. Старый город... как его, блин... Риддерхольм! Дюрсгаден, кораблик Ваза, Скансен. Ну, и музей «АББА», конечно – это уж здорово! Говорите,

Рига? А что Рига? Тоже ничего. Я как-то снял отель с видом на Домский собор... вполне себе дешево снял, за тринадцать евро... хотя это, честно-то говоря, не отель был – хостел. Но все равно! А внизу, представляете – ресторан «Лидо». Дешево все, и пиво замечательное. Помните, сидим мы с друзьями на террасе... Ой, о чем это я? Вы, уважаемый Борис Федорович, зачем мне столько много подливаете? Я ведь, можно сказать, малопьющий. По праздникам только, да по выходным... ну, и на неделе так... иногда... Да-да! За царевича Федора Иоанновича! Со всем нашим удовольствием. Прекрасный тост!

Стоявшие невдалеке, у стены, музыканты грянули в гусли что-то лирическое, мотивом похожее на знаменитую песню «АББА» – «Танцующая королева».

– Дэнсинг куин... – пьяно подпевал Арцыбашев, – дэнсинг куин...

– А мне чего-нибудь дайте!

Леонид едва не подавился пряником. Голос вдруг показался ему знакомым. Детский. Тоненький. С хрипотцой. Неужто тот самый мальчишка? Который в амбаре...

Нет, не мальчишка. Девчонка! А голосок-то похож, да... И что с того-то?

– А это вот младшенькая княжна – Маша, – Годунов с улыбкой указал рукой на возникшую на пороге девочку.

На вид девчонке было лет тринадцать. Тоненькая, в длинном *европейском* платье с крахмальным воротником и рукавами-буфами. Синеглазая, с темными, рассыпанными по плечам локонами, она чем-то напомнила Арцыбашеву Алису из старого детского фильма «Гостья из будущего». Тот же тип лица, глаза... да все! Между прочим, когда-то в детстве киношная Алиса Лёне нравилась. Очень.

– Садись, садись, Машенька, – ласково промолвила боярыня. – Что запоздала-то так? И платье это...

– Что, некрасивое? – ах, с каким вызовом блеснули глаза! Просто-таки окатили презрительной синью.

– Да нет, красно... Да ты садись, садись, кушай. Кваску-от испей.

– А вина можно? Того, сладенького... мальвазеицы.

Годунов усмехнулся в бороду и покладисто махнул слугам:

– Немножко-то можно. Плесните ей. Токмо ты, Машенька, не сразу за сладкие заедки хватайся. Сначала ущицы, вот, похлебай.

– Сама знаю!

Девчонка вела себя довольно вольготно, и даже, можно сказать, с вызовом. Наверное, таким образом выражала свой подростковый протест. Гормоны играли.

– Ты на нее вниманья-то не обращай, Арцымагнус Крестьянович, – наклонившись, прошептал боярин Борис. – Такая уж она у нас. Сирота – воспитывать особенно некому.

Зато старшая Машина сестра, Евфимия, выглядела вполне воспитанной, пожалуй, даже слишком. За весь вечер и слова не произнесла, как ни пытался Арцыбашев ее разговорить. Лишь улыбалась мягко, а в глазах стояла тоска. Что, в общем-то, и понятно. Когда сначала родителей казнят, а потом доброхотов из себя строят, это, знаете ли... Лишний штрих к портрету царя-тирана.

А чета Годуновых, похоже, относилась к девчонкам с сочувствием. Привечали. В гости, вот, позвали. А еще прощали младшей княжне, Маше, все непозволительные и дерзкие по сим временам чудачества. Ишь, мальвазеицы ей! И платье поганское надела. Словно дразнила кого. Так, может быть, и дразнила? Презрение свое выказывала, где-то в глубине души затаив нешуточную обиду и боль.

За упокой души князя Владимира Старицкого у Леонида хватило ума не пить. То есть не предлагать за это выпить... хотя, по первому хмелю, и проскользнула такая мысль. Весьма

и весьма чреватая! Годунов, вне всяких сомнений, донес бы об этом царю. Донес, донес бы... И что тогда? Вместо войска и ливонской короны – пыточный подвал? Подвал, да... подвал...

– Как-то намедни случайно забрел в один амбар в Кремле, у Тайницкой башни...

Зачем он ввернул эту фразу, Арцыбашев и сам не знал. То ли к рассказу Марьи Годуновой о всяких там домашних заготовках, соленьях-вареньях, то ли... то ли к Маше. Боярин Борис обмолвился невзначай – мол, любит девчонка по подвалам лазить, интересно ей. Владыко новый сказывал – епитимью на предрозостную дочь наложить надоть. Да только царь-государь не велит! Запретил обижать сироту, вот та и бесится.

Как только упомянул гость амбар, так синие очи Маши вспыхнули страхом. Вспыхнули и тут же погасли – Леонид поспешно перевел разговор на другое, распорядясь с гостеприимным хозяином, что лучше – пищаль или добрый лук. Принц настаивал на луке – мол, куда как метче, нежели пищаль.

– Метче-то он метче, – ухмыльнулся боярин Борис. – А токмо ежели залпами бить? Да прямой наводкою? Лук-то с навеса, ага. А ветер вдруг? Или сил у стрелка не хватит? Не-ет, без добрых пищалей нынче в бою делать нечего. Не зря государь стрельцов завести удумал. И еще – пушкарский приказ!

Вот с этим гость согласился:

– Да, Боря, без артиллерии нынче никуда. Бог войны все-таки!

– Как-как ты сказал? – засмеялся боярин. – Бог войны? Одначе верно.

А юная княжна все стреляла глазищами. Алиса, блин.

– Слышу голос из прекрасного далека-а-а-а... – королевич и сам не заметил, как затянул песню.

Да так удачно затянул, так настропалил всех, что и Марья Годунова, и тезка ее, Маша, и даже сам конюший боярин Борис Федорович подпевать начали:

– Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко, не будь ко мне жестоко, жестоко не будь!

Толмача, немца-опричника Крузе, кстати, к столу не пригласили, кормили от пуза на кухне, разве что не вместе со слугой Петером.

Маша, кстати, за столом долго не сидела и, как начало темнеть, ушла. Засобирался и гость – засиделся, пора было и честь знать. Хозяева проводили королевича на крыльцо, герр Крузе подвел коня. Поехали!

– О, майн герр, – разув и раздев своего изрядно захмелевшего господина, Петер задул свечу. – Юная принцесса Марья велела передать вам низкий поклон. Х-ха! Ну, надо же, принцесса, самого государя племянница, а мной, слугой, не побрезговала. Говорила ласково, целый талер дала. И вот, просила сказать спасибо...

Арцыбашев повернул голову:

– За что спасибо-то? И поклон – за что?

– За подвал, – тихо пояснил слуга. – Так она сказала.

Глава 3

Лето – осень 1570 года. Ливония. Осада Ревеля

Вообще-то Арцыбашев и вовсе не собирался воевать. Просто не удалось по пути сбежать, да если б и удалось, все равно тайком возвращаться в Москву было бы слишком опасно. Не зная местных традиций, обычаев, со странной речью – вычислили бы быстро. Словили бы. И на плаху. А что? С Грозного царя станется!

Вот и ехал себе новоявленный ливонский король, уныло косясь на окружающие ландшафты. Хорошо хоть в возке, не верхом, впрочем, ухабы на дорогах были такие, что уж лучше, верно, в седле...

Как и все в это время, путешествовали неспешно, покуда из Москвы добрались до Пскова, вступил в права июль, уже поднималось, колосилось жнивье, и выпархивающие из-под копыт жаворонки пели свои песни высоко в синем летнем небе.

Ночевали на ямских станциях, или, как их тут называли, «дворах». Просторная гостевая изба, баня, конюшни... И затравленные взгляды, исподтишка бросаемые на «немцев» местными обитателями. Чем ближе к Новгороду, тем становилось безлюднее, а тот народ, что встречался, казался Леониду каким-то пришибленным.

По обеим сторонам торгового тракта тут и там виднелись проплешины сожженных дотла деревень, во множестве белели в оврагах человеческие кости, чернели выбитыми окнами разграбленные и оскверненные храмы. Словно Мамай прошел! И имя этого «мамая» было хорошо известно. Собственный государь, Иоанн Васильевич Грозный с опричным своим войском прошелся по родной земле хуже всякого татарина. Выполняя волю царя, опричники жгли, грабили, убивали. Обвиненный в сепаратизме Новгород был уничтожен, Грозный царь не щадил никого. Принял мученическую смерть митрополит Филипп Колычев, взят под арест дьяк Иван Висковатый и казнен вместе со многими в июле этого же 1570 года на Поганой луже в Китай-городе, в Москве.

Всех этих казней Леонид, конечно, не видел – вовремя уехал, но как человек, интересовавшийся историей, прекрасно о них знал. Царь Иван обвинял новгородцев в сепаратизме, в верности вольностям старой республики, павшей под ударами его деда, Ивана Третьего. С тех пор – около ста лет уже – все новгородские землевладельцы были высланы, а их земли заселены нищими московскими дворянами, преданными Ивану аки псы. И какие же это «сепаратистские настроения» или «воспоминания о былых вольностях», скажите на милость, могли быть у их потомков, во всем зависящих от государя? К тому же какая «крамола» в Торжке, в Твери, в Крыму? А их ведь Иван тоже не пощадил, уничтожил. Ах, Иван Васильевич, душегубец ты окаанный! Да уж... Лёня передернул плечами. Вот уж послал бог родственничка! А ведь так – скоро уже и свадьба на царской двоюродной племяннице... дочке казненного по приказу все того же царя князя. Только сначала надобно Ревель взять, он же – Таллин, он же – Колывань, он же – Линданисе...

Господи, какой, к чертям собачьим, Ревель? Бежать! Бежать скорее отсюда! В Москву, в Кремль, а там, бог даст...

Не-ет, не выйдет. Арцыбашев прекрасно понимал, что вот так вот – тайком – далеко не убежишь. Да и здесь за ним следили, присматривали – все те же авантюристы-опричники, Таубе и Крузе. Оба чем-то похожи, впрочем отнюдь не внешне. Таубе – упитанный блондин с вислыми усами и белесыми поросычьиими глазками, Крузе – тощ, рыж и кареглаз. Похожи они были внутренне – оба алчные, жестокие, хитрые. И не сказать, чтоб очень умные, хитрость ведь это не ум.

Однако наверняка оба стучали царю, слали письма, уж на это-то ума хватало. Так что не убежишь. Вот если бы царь-государь сам к себе вызвал по какому-нибудь важному делу... Так ведь и вызовет. Осенью. На свадьбу! Только до этого еще Ревель... увы.

Кстати сказать, никаких обещанных войск Иван Васильевич своему будущему родственнику не дал, сказал, чтоб обходился по первости своими силами, а уж он потом, немного погодя, «людишек воинских подошлет преизрядно». Золота, правда, отсыпал уже сейчас – щедро. Дал двадцать пять бочонков, хватило выплатить кое-что сопровождавшим «ливонца» наемникам.

В начале августа 1570 года (дату Арцыбашев теперь уже знал точно) молодой ливонский король с небольшим отрядом вполне довольных недавно выплаченным жалованьем ландскнехтов торжественно вступил в Нарву. Сей небольшой городок изрядно поразил Леонида своей европейской сущностью и видом. Старинная крепость – как раз напротив Ивангородской, через реку Нарову – была украшена православными стягами, на узких улочках слышалась разная речь – немецкая, русская, датская, – а в порту покачивались у причалов многочисленные морские суда.

Лет десять назад, после взятия Нарвы, царь Иван Васильевич никакого разбоя и бесчестья над бюргерами-горожанами не чинил, а наоборот, осыпал их милостями: освободил от постоя войск, разрешил свободу веры (за несколько десятков лет до знаменитого Нантского эдикта короля Франции Генриха Четвертого), а также дозволил беспошлинно торговать по всей России. То есть проявил себя как весьма мудрый и лояльный к новым подданным государь. В раннешние-то времена Нарву сильно прижимал Ревель – постоянно пакостил и мешал развивать торговлю, так что под скипетром Иоанна Грозного город, можно сказать, расцвел.

Ко всему прочему царь Иван нанял по всей Европе опытных шкиперов, создавая собственный флот, как торговый, так и военный, сиречь откровенно пиратский, каперский, под командованием знаменитого датского капитана Карстена (Кристиана) Роде. Как раз шла очередная война между Данией и Швецией, и Роде пользовался покровительством датского короля Фредерика, старшего братца Магнуса Ливонского. Впрочем, война уже подходила к концу, и ни от Дании, ни от союзного Любека уже не было прежней поддержки... о чем с грустью поведал «его королевскому величеству» сам Карстен, встретившийся с Магнусом уже на следующий день после приезда последнего в Нарву.

Надо сказать, капитан – точнее, самого царя Иоанна Васильевича адмирал! – произвел на Арцыбашева самое благоприятное впечатление. Высокий, подтянутый, ладный, в английском камзоле с буфами и накрахмаленным воротником – брыжами, или гофрой. Точно такой же воротник – по устоявшейся моде – приходилось носить и самому Леониду, что причиняло молодому человеку немало хлопот – слишком уж неудобным был воротничок, постоянно натирал шею. Однако приходилось терпеть, что поделать – как обязательную принадлежность не только парадного, но и повседневно-делового костюма. Что-то типа галстука.

– Да, наш флот силен, – пощипывая бородку, с гордостью подчеркнул капер. – Его величество царь Иоанн, да хранит его Господь, не жалеет денег ни на корабли, ни на моряков, ни на опытных шкиперов. Однако корабли с экипажами – это лишь полдела. Нужны порты. И не одна Нарва! Да. Есть Копенгаген, Любек и прочие... пока есть. Но война со Швецией близится к концу... И я просто боюсь стать никому не нужным.

Арцыбашев светски улыбнулся и поднял бокал с белым рейнским вином:

– Не скажу за своего царственного брата Фредерика, но царю Ивану Васильевичу вы, капитан, будете нужны всегда! Война за Ливонию не закончена.

Карстен Роде был родом из датских немцев, по-немецки же, как издавна повелось в Ливонии, беседа и шла. Лишь иногда капитан переходил на датский... и тогда его высокородному

собеседнику приходилось лишь вежливо кивать, ни черта не понимая. А ведь он же был датский принц! Как шекспировский Гамлет.

Потому беседа не затянулась долго, и планирование военно-морских действий самозванный король быстренько спихнул на своих помощников-стукачей – Таубе и Крузе. Чтоб под ногами не путались.

Магнус и его свита, состоявшая пока что из трех человек – юного слуги Петера, личного повара-фламандца и хитроватого эста-конюха, – расположились в самом роскошном особняке Нарвы, принадлежавшем богатому купцу Генриху Ротенбергу, ратману и выборному начальнику городской стражи. Герр Ротенберг владел пятью большими трехмачтовыми кораблями – коггами и еще десятком судов поменьше, вел обширную торговлю и потому был кровно заинтересован во всех привилегиях, пожалованных царем Иваном местному купечеству. Правда, в последнее время ратмана (как и всех ливонцев!) пугали различного рода слухи, доходившие из не столь уж и далекой России. Слухи, естественно, касались опричнины и всех творившихся в московском государстве ужасов, от которых каждому нормальному человеку, естественно, хотелось держаться подальше. И ливонцы здесь не были исключением, от всей души поддерживая не особенно-то легитимного государя – короля Магнуса Ливонского! Пусть будет Ливония, пусть будет вассальной от Московии, но – сама по себе, под властью приличного европейского принца, правящего по закону и соблюдающего все права бюргеров и всех ливонских городов, кои, вне всяких сомнений, скоро попадут под его руку.

Эти погожие летние дни, проведенные в европейско-русской Нарве, казались Лёне красивой волшебной сказкой. Переодевшись в простое платье – а кто б ему посмел запретить? – молодой человек частенько ошивался в порту, любовался парусниками, подставляя лицо соленому морскому ветру, заходил в таверны, выпивал кружечку темного пива или пару бокалов вина. Такая вот «средневековая» жизнь Арцыбашеву нравилась, тем более что сопровождал его один лишь слуга.

Еще Леониду нравились открытые и добродушные жители Нарвы, впрочем, не только бюргеры, но и простые мастеровые, и моряки. Среди тех и других хватало и русских – поморов, присланных Иваном Грозным для каперского флота Карстена Роде. Кроме того, было достаточно и вольных русских людей – артельщиков, каменщиков, плотников. Явились на заработки – работы в Нарве хватало. Царь, точнее местные бюргеры, думали расширять порт, строить новый волнолом и причалы.

С моря дул легкий бриз, трепал волосы, и сидевший на большом валуне Леонид с искренним интересом глядывался в маневры заходящего в порт большого купеческого судна под желто-красным испанским флагом. Это, впрочем, отнюдь не означало того, что сей трехмачтовый корабль был испанским, он вполне мог принадлежать и какому-нибудь голландскому купцу, ведь Нидерланды в те времена принадлежали Испании... и пытались обрести независимость. А Испания не давала и послала карательную экспедицию герцога Альбы. Инквизиция, католики, протестанты, испанцы, фламандцы, морские повстанцы – тезы... Та еще заварушка! Не хуже, чем здесь, в Ливонии.

– Как думаешь, чей это когг, Петер?

Мальчишка смешно наморщил нос:

– Не думаю, что это когг, майн герр... Ой! Ваше величество!

– Зови «майн герр», так короче, – великодушно разрешил король. – Так что ты думаешь?

– Я не думаю, ва... майн герр, я знаю! Это хольк «Быстрая колесница» из Антверпена.

Доброе судно, вот только я не помню, кто его капитан.

– А чем хольк отличается от когга? – живо поинтересовался любознательный Леонид.

Слуга шмыгнул носом:

– Ну, как же! Хольк гораздо поворотливее, у него составные мачты, и еще там есть штурвал, а не румпель, как у когга. Штурвал – это такое колесо...

– Знаю я, что такое штурвал, мальчик! А вон еще корабль. Чей там флаг?

– Кажется, французские лилии... О, нет! Англичанин!

Они любовались на корабли почти до вечера, а потом Арцыбашев решил зайти в таверну, перекусить. Конечно, можно было приятно поужинать и дома, у гостеприимного ратмана Генриха Ротенберга, более того, именно так псевдо-Магнус и собирался сделать, но... но сперва выпить пива в таверне. Экзотики ради – интересно ведь! И здорово, честное слово, здорово – не хуже, чем когда-то в рижском «Лидо».

Уселись на террасе – столы стояли прямо на мощеной улице, – откуда открывался великолепнейший вид на торговую гавань, залитую заходящим солнцем. Золотисто-оранжевые лучи его отражались на шпиле собора и в стеклах ратуши, играли на эфесах шпаг сидевших за соседним столом ландскнехтов в живописных камзолах, словно бы состоящих из одних только цветных ленточек. Наемники говорили между собой по-немецки, пили пиво и постоянно ругались, впрочем, ничуть не омрачая впечатление от чудесного летнего вечера.

Неспешно прогуливаясь по набережной, раскланивались меж собою семейные пары, вот прошел лютеранский священник в черном, а вот – православный батюшка с большим серебряным крестом на груди. Вот какие-то бродяги вдруг затеяли свару... немедленно прекращенную вмешательством городских стражников в надетых поверх желто-зеленых камзолов кирасах, в высоких испанских шлемах – морионах. У каждого алебарда, а на поясе – палаши в разноцветных ножнах.

– Пожалуйста, господа.

Толстяк-хозяин самолично принес посетителям пиво в больших деревянных кружках и, чуть погодя, вернулся с закусками – жареными в кислой капусте сардельками.

– Угощайтесь!

– Смотри, не упейся, – Арцыбашев с усмешкой предупредил слугу.

Надо сказать, что Петер, по его требованию, одевался теперь куда как изысканнее, нежели прежде. Как и положено королевскому слуге! Темно-зеленый камзол с брыжами, золоченый кинжал на поясе и бархатный голубой берет, украшенный петушиными перьями, не позволял никому принимать Петера за простолюдина. Потому все трактирщики сажали мальчишку за один стол с Леонидом и даже не предлагали покормить парня на кухне, как положено слугам. Хитрый Арцыбашев пользовался Петером как источником новых знаний о здешнем мире, ну и совершенствовал свой немецкий на местный ливонский манер.

– Ой, извините, любезнейший господин...

Проходившая мимо дама слегка задела «Магнуса» своим платьем, точнее говоря – юбкой, весьма широкой и сшитой из вполне добротной светло-зеленой ткани. Полупрозрачный, ниспадавший с плеч плащ позволял оценить стройную талию, а глубокий вырез на лифе – грудь.

– Не подскажете ли, любезнейший господин, пришел ли уже корабль из Антверпена?

Девушка – или молодая дама – похоже, вовсе не собиралась тут же уходить. Милое лицо, чуть припухлые губки, медно-рыжие, выбивающиеся из-под изящной шапочки-чепца локоны. И чудные зеленые глаза! И взгляд – самоуверенный, насмешливый.

– Вы имеете в виду «Быструю колесницу», моя госпожа? – галантно привстав, уточнил Леонид.

– Да-да, именно ее.

– Сей корабль только что вошел в гавань. Буквально только что, моя госпожа, я видел это собственными глазами.

– Ах, не знаю, как вас и благодарить... Меня зовут Катерина, кстати.

– А я Лео... Леон. Не выпьет ли с нами пива, столь прелестная госпожа?

Молодой человек пропал, и это сразу же понял, едва только наткнулся на эти зеленые очи! С другой стороны... почему бы и нет? Если эта рыженькая не против... Хотя... как тут принято-то?

– О, нет, нет, любезнейший господин, – Катерина негромко рассмеялась. – Невместно молодой девушке пить с незнакомцами на людях. Здесь, в таверне, есть покои... там и выпьем. Если, конечно, хотите.

– Очень хочу. Очень!

– Тогда чуть погодя идите за мной. Спросите у хозяина Катерину.

Провожая девчонку взглядом – ах, какие бедра, какая стать! – Леонид облизнулся, словно кот на сметану, и, скосив глаза на слугу, спросил:

– Ну, как?

– Не думал, что вам нравятся портовые шлюхи, майн герр, – обескуражил тот. – Хотя эта вроде бы ничего, красивая и довольно юна.

– «Довольно юна!» – скривясь, передразнил король. – Сиди уж, умник.

– Прикажете навести о ней справки? Узнать, не больна ли чем. Знаете, майн герр, как-то в Ревеле...

– Справки? – озадаченно почесав затылок, Арцыбашев махнул рукой. – А пожалуй. Только тотчас же!

– Живенько метнусь, майн герр! – вскочив, заверил слуга. – И пиво допить не успеете.

Ушлый мальчишка не обманул, спроворил порученное дело быстро – и пяти минут не прошло, как вернулся довольный.

– До аптеки сбегал, майн герр, и к цирюльнику. Еще у слуг местных спросил. Рыжую Катерину они знают. Здорова, как бык. Недавно здесь объявилась, болезней не успела еще нахватать.

Молодой человек азартно потер руки:

– Ну и ладненько! Жди меня здесь, мой верный Петер.

– Яволь, майн герр!

Спросив у толстяка-хозяина о Катерине, «Магнус» поднялся по узкой лестнице наверх, на третий этаж, оказавшись сразу в трех, анфиладой переходящих одна в другую, комнатах, в каждой из которых стояла кровать с поднятым балдахином. На дальней кровати, у распахнутого окна, сидела Катерина. Уже без чепца, с медными, рассыпанными по плечам волосами.

А она молода, очень молода...

– Сколько же вам лет, прелестное дитя?

Девчонка расхохоталась и пожала плечами:

– Кто считал мои года, господин? Может быть, шестнадцать, а может, и все двадцать. Я не знаю. Я родилась не здесь... А потом война и... Жизнь закружила. Вы не подумайте, господин, я не жалею. Мне сейчас гораздо лучше, чем прежде. Так что будем пить? Вино или пиво?

– Вы сами-то – что?

– Я бы предпочла вино, – Катерина хитро прищурилась. – И уже заказала. Сейчас принесут. Ага!

Снизу, с лестницы, послышался стук в дверь.

Девушка повысила голос:

– Входи, Яан!

Вошедший белобрысый парень – слуга – поставил на небольшой столик серебряный кувшин и бокалы синего тонкого стекла. Поставил, молча поклонился, ушел.

– Хороший парень, – вздохнула Катерина. – Русские сожгли всю его семью.

– Русские?

– Ну, татары... Впрочем, не будем о грустном. Садитесь сюда. Выпьем.

Волнуясь, Леонид присел на край ложа. Протянув наполненный золотистым вином бокал, девушка подвинулась ближе, прижалась горячим бедром.

– За наше знакомство, Леон!

– За знакомство...

– Нынче жаркое лето...

Упал на пол жилет. Белая кружевная сорочка скользнула с плеча... обнажив грудь почти до соска. Лёня поцеловал прелестнице шею... погладил плечо, поласкал пальцами грудь... чувствуя, как твердеет, наливаясь соком, изящный сосочек... а потом накрыл его губами, потерял язык, вызывая сладострастный стон и тихий шепот:

– Двадцать крейцеров...

Однако цены!

– Хорошо, милая... Катя... Катя...

Оторвавшись от лобзаний, Катерина сбросила юбку и медленно стянула через голову сорочку, давая возможность любовнику (а лучше сказать, клиенту) любоваться юным, великолепно сложенным телом: узкой – обхватить руками! – талией, крепкой налитой грудью, изящной линией бедер, томительно-волнующей ямочкой пупка. Поспешно сбросив одежду, Леонид опустился на колени, обхватил руками ягодицы и бедра девчонки и принялся страстно целовать пупок, постепенно спускаясь к лону. Девица выгнулась, застонала, закатывая глаза...

Осторожно опустив ее на кровать, молодой человек лег сверху, прижимаясь к чудесному, восхитительно упругому телу, полному притяжения неизбывной юности и неги. Упругие сосочки уперлись Леониду в грудь, горячие бедра раздвинулись, обхватили стан... кровать закричала... из пухлых, приоткрытых девичьих губ вновь вырвался стон... стоны...

Как только Леонид наконец расслабленно откинулся на ложе, в дверь сильно стукнули. Такое впечатление – сапогом!

– Открывай! – послышался грубый голос. – Эта моя девка! Моя!

Засов на двери оказался слабеньким и скоро не выдержал напора. «Магнус» едва успел одеться и схватить непременно принадлежность дворянского костюма – шпагу, как в комнаты, размахивая устрашающей величины палашиком, ворвался дюжий молодец лет двадцати пяти с круглым, поросшим темной щетиной лицом, и с бешеным взглядом оскорбленной невинности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.